

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

ПЕРВЫЕ БОИ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ
АРМИИ

Белое движение в России

Сергей Волков

**Первые бои
добровольческой армии**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Волков С. В.

Первые бои добровольческой армии / С. В. Волков —
«Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-09960-0

Книга «Первые бои добровольческой армии» представляет собой второй том из серии, посвященной Белому движению в России, и знакомит читателя с воспоминаниями участников событий на Дону и Кубани в конце 1917 — начале 1918 г. В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей антикоммунистической борьбы, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширными комментариями, содержащими несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-09960-0

© Волков С. В., 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	6
Первые бои добровольческой армии	9
Раздел 1	9
В Ростовском районе[1]	9
С. Тернберг[2]	13
В. Мыльников[5]	19
А.Д.В.[7]	29
Р. Гуль	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

С. В. Волков

Первые бои добровольческой армии

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

* * *

Предисловие

Настоящее издание – второй том серии «Белое движение в России». В первом томе – «Зарождение Добровольческой армии» были собраны воспоминания участников белой борьбы, посвященные в основном обстоятельствам их пути на Дон, формированию добровольческих частей в Новочеркасске и Ростове и жизни Добровольческой армии до начала 1-го Кубанского похода.

Второй том посвящен боям Добровольческой армии на двух основных фронтах на Дону, а также возникновению и борьбе белых формирований на Кубани до их соединения с Добровольческой армией и походу отряда полковника Дроздовского с Румынского фронта на Дон.

Основным направлением, где сражались добровольцы, было западное – Таганрогское. С 30 декабря 1917 года его прикрывал отряд полковника А.П. Кутепова, составленный из сводных рот различных частей Добровольческой армии (к тому времени в армии имелись 1-й, 2-й и 3-й Офицерские, Юнкерский и Студенческий батальоны, 3-я и 4-я Офицерские, Ростовская и Таганрогская офицерские, Морская, Георгиевская и Техническая роты, Отряд генерала Черепова, Офицерский отряд полковника Симановского, Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии, 3-я Киевская школа прапорщиков, 1-й кавалерийский дивизион, 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион и Корниловский ударный полк); почти все они были преимущественно офицерскими.

Другое направление – северо-восточное (Новочеркаское) – обороняли донские партизанские отряды, среди которых выделялся отряд знаменитого партизана полковника, В.М. Чернецова (некоторые из этих отрядов, сведенные в Партизанский полк, приняли впоследствии участие в 1-м Кубанском походе Добровольческой армии). Однако их усилий было недостаточно, и командованию Добровольческой армии приходилось выделять на это направление и офицерские батальоны. Кроме того, в боях отряда Чернецова принимал участие и взвод Юнкерской батареи. Кроме этих основных фронтов, существовал также южный – под Батайском (воспоминания о боях на нем приводятся в первом томе серии).

Еще один очаг белой борьбы возник на Кубани, где в конце 1917 года для борьбы с большевиками также начали формироваться добровольческие отряды. Первый из них был создан 1 ноября 1917 года Кубанским атаманом полковником А.П. Филимоновым из офицеров стоявшего в городе Кавказского запасного артиллерийского дивизиона и Кубанского гвардейского дивизиона, но через две недели, после исчезновения непосредственной угрозы со стороны разложившихся солдат, распущен. 29 ноября начальником для формирования отрядов на правах командующего армией был назначен генерал-майор К.К. Черный (9 января 1918 года его сменил генерал-майор Н.А. Букретов, а 17-го – генерал-лейтенант И.Е. Гулыга) и создан его Полевой штаб (начальник штаба – подполковник В.Г. Науменко). 6 декабря 1917 года первым закончил формирование отряд войскового старшины Галаева, 2 января 1918 года – отряд капитана Покровского. Эти отряды состояли преимущественно из молодых офицеров (как регулярных частей, так и казачьих), они разоружали большевизированные запасные части и несли охрану атаманского дворца. В середине января была сформирована батарея есаула Корсуна (6 орудий) и смешанный отряд полковника С. Улагая.

20 января 1918 года в Екатеринодаре был создан наиболее крупный отряд – отряд полковника Лесевицкого. К этому времени связь с Доном прервалась. Первый бой с большевиками добровольцы выдержали 22 января у станции Энем. С конца января 1918 года отряды Покровского и Галаева держали фронт в направлении станции Тихорецкой, а отряд полковника Лесевицкого – станции Кавказской (на Тимашевское направление выдвинулся отряд капитана Раевского). Формировались и более мелкие части, в частности конная сотня имени войскового старшины Галаева (около 50 офицеров), отряды есаула Бардижа, войскового старшины

Чекалова и другие. На левом берегу Кубани действовали отряды полковников С. Улагая и Султана-Крым-Гирея.

22 февраля 1918 года на совещании у Кубанского атамана было решено оставить Екатеринодар. 1 марта 1918 года вышедшие из города части были собраны и реорганизованы в ауле Шенджий и приняли следующий вид: 1-й стрелковый полк, конный дивизион полковника Косинова, Сводная Кубанская офицерская батарея, Кубанская полевая батарея, конно-артиллерийский взвод, Черкесский конный полк, Конный отряд полковника Кузнецова, Конный отряд полковника Демяника, Пластунский отряд полковника Улагая, Кубанская дружина, Кубанская отдельная инженерная сотня, конвой командующего отрядом, Кубанский лазарет, обоз. Всего отряд насчитывал около 5 тысяч человек, в том числе 3300 бойцов (2500 человек пехоты, 800 конницы при 12 орудиях, 24 пулеметах). 14 марта кубанские части (в момент соединения – 3150 бойцов) соединились с Добровольческой армией.

Отряд русских добровольцев Румынского фронта начал формироваться 15 декабря 1917 года в Яссах (где размещался штаб фронта и куда стекалось много офицеров, покинувших свои разложившиеся части) начальником 14-й пехотной дивизии полковником М.Г. Дроздовским. Первое время бригада существовала неофициально: штаб фронта лишь закрывал глаза на ее деятельность, но 24 января 1918 года генерал Щербачев поддержал формирование добровольческих частей. Решено было сформировать 2-ю бригаду в Кишиневе и 3-ю в Болграде. Рядовые офицеры, знавшие о формированиях лишь случайно, ждали приказа, исходящего от их непосредственных начальников, однако, несмотря на настояния М.Г. Дроздовского, Щербачев все же не решился отдать официальный приказ по фронту, предписывающий офицерам явиться в Яссы.

Первой частью отряда была конно-горная батарея капитана Колзакова, затем пулеметная команда, 1-я рота подполковника Руммеля, 2-я капитана Андриевского и легкая батарея полковника Ползикова. Вскоре были созданы кавалерийский эскадрон штабс-ротмистра Аникеева (на базе группы офицеров 8-го драгунского полка), гаубичный взвод подполковника Медведева и бронеполк.

Однако после оставления Добровольческой армией Ростова связь со штабом фронта прервалась, и генерал Щербачев, не считая возможным рисковать, издал приказ о расформировании добровольческих частей, освобождающий всех записавшихся от подписки. 2-я бригада генерала Белозора в Кишиневе (около 1000 человек) была распущена, но Дроздовский отказался подчиниться и, пробившись сквозь заслоны румынских войск, пытавшихся разоружить отряд, со своей бригадой и присоединившимися к ней офицерами 2-й бригады (60 человек) и других частей 26 февраля 1918 года вышел в поход на Дон. Командир 2-го Балтийского морского полка в Измаиле полковник Жебрак, собрав всех своих офицеров, выступил на соединение с Дроздовским.

Отряд состоял из следующих частей: стрелковый полк (генерал-майор Семенов), конный дивизион (штабс-ротмистр Гаевский) из двух эскадронов (штабс-ротмистр Аникиев и ротмистр Двойченко), конно-горная батарея (капитан Колзаков), легкая батарея (полковник Ползиков), гаубичный взвод (подполковник Медведев), броневой отряд (капитан Ковалевский), техническая часть, лазарет и обоз. Начальником штаба отряда был полковник Войналович, его помощником – подполковник Лесли, начальником артиллерии – генерал-лейтенант Невадовский. Отряд насчитывал 1050 человек, из которых две трети (667 человек) были офицерами (почти все молодые – штаб-офицеров, кроме штабных, было всего 6 человек), 14 – военными чиновниками, 12 – сестрами милосердия. По пути к отряду присоединялись другие офицеры и добровольцы.

Пройдя с боями 1200 верст, отряд 21 апреля 1918 года взял Ростов и соединился с восставшими казаками, 24 апреля освободив вместе с ними Новочеркасск. В Новочеркасске в результате активной записи добровольцев через 10 дней Офицерский полк развернулся из

одного батальона в три, а численность отряда возросла до 3 тысяч человек. 27 мая отряд полковника Дроздовского торжественно соединился с Добровольческой армией и был преобразован в 3-ю дивизию.

В связи с тем, что целый ряд воспоминаний посвящен (в большей своей части или исключительно) боям на одном из двух основных фронтов того времени – западном (Таганрогском) и северовосточном (Новочеркасском), эти материалы выделены соответственно в 1-й и 2-й разделы, что позволяет сравнить свидетельства очевидцев, относящихся к одним и тем же конкретным событиям. 3-й раздел содержит материалы, относящиеся к событиям на Кубани – от формирования там первых добровольческих отрядов до соединения кубанских частей с Добровольческой армией в середине марта 1918 года, а 4-й посвящен Дроздовскому походу Яссы – Дон.

Поскольку настоящий том служит непосредственным продолжением предыдущего («Зарождение Добровольческой армии»), сведения о лицах, упоминавшихся в первом томе, в комментариях ко второму тому не приводятся.

Поскольку в белой армии на юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

В приведенных фрагментах сохранен текст оригиналов. Необходимые коррективы вносились лишь в случае очевидных орфографических и редакционных погрешностей.

Первые бои добровольческой армии

Раздел 1

Бои на Таганрогском направлении

В Ростовском районе¹

В конце декабря красногвардейские отряды уже подходили к станции Матвеев Курган, в 35 верстах к северу от города Таганрога. Слабые партизанские отряды были не в силах сдерживать напор красных. Требовалась им помощь, и на Матвеев Курган высылаются две роты: Ростовская и Георгиевская.

В Таганроге большевики, подбадриваемые приближением «своих», готовятся к восстанию. Гарнизон города: рота Киевской школы прапорщиков, Таганрогская офицерская рота, расположенные в нескольких пунктах, могут быть легко разобщены и уничтожены. Моральное состояние юнкеров сильно пониженное, и начальник школы, полковник Мостыко, просит об усилении гарнизона. 31 декабря в Таганрог прибывает на площадках первого в Добровольческой армии блиндированного поезда, вооруженного орудием, взятым от 1-й Юнкерской батареи (3-е орудие), с первым же броневым автомобилем – 1-я рота 2-го Офицерского батальона.

С ротой приехал полковник Кутепов, назначенный начальником Таганрогского отряда. «Вы едете в Таганрог для моральной поддержки юнкеров», – сказал 1-й роте полковник Кутепов. Рота была расквартирована в расположении главных сил юнкеров, с которыми она встретила Новый год. На встрече присутствовал и полковник Кутепов, на следующий день выехавший на блиндированном поезде с броневым автомобилем на станцию Матвеев Курган.

Дня через три Ростовская и Георгиевская роты перешли в наступление, разбили красных, гнали их 40 верст и заняли станцию Амвросиевка. Но 7 января они были вынуждены начать отход под давлением свежих и больших сил красных. Разведка доносила о наступлении группы Сиверса численностью до 10 000 человек. Требовалось значительное усиление отряда полковника Кутепова, и туда направляются: Морская рота, подрывная команда 1-й батареи в составе 5 офицеров и 13 юнкеров и затем – Партизанский отряд имени генерала Корнилова, силою до 500 штыков. Везли эти части неопытные, молодые офицеры-машинисты, однако доставившие их благополучно к местам назначения. Один из них, поручик Латкин, даже проявил инициативу: не остановил поезда, как ему было приказано перед отходом, когда поезд был обстрелян красными партизанами, увидев малые силы последних.

11 января красные атаковали станцию Матвеев Курган, ведя на нее наступление широким фронтом, охватывая части, ее оборонявшие, с обоих флангов. Станция была поспешно оставлена, но задержавшаяся с подрывом моста и других сооружений подрывная команда 1-й батареи оказалась окруженной противником. Чтобы не попасть живыми в руки красных, все 18 человек ее состава, во главе с поручиком Ермолаевым, произвели последний взрыв всем запасом взрывчатого материала: они взорвали себя.

Красные наступали не только вдоль железной дороги на юг, но и от Матвеева Кургана на восток, по кратчайшему направлению на Ростов. Чтобы прикрыть это направление, из отряда полковника Кутепова были выделены Ростовская и Георгиевская роты, составившие особый

---

¹ Из книги: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Т. 1. Париж, 1962.

отряд. У полковника Кутепова оставались – Партизанский отряд имени генерала Корнилова и Морская рота – силы незначительные, чтобы сдержать наступление красных на большом фронте. Но утром этого дня из Ростова выехала в его распоряжение Гвардейская рота, в составе 60 штыков под командой полковника Моллера. Ее перед отправкой напутствовал генерал Марков: «Имейте в виду, – говорил он ей, – враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными загромождать наш тыл не надо!» На некоторых эти слова произвели неприятное и тяжелое впечатление. К вечеру рота, едва выгрузившись на станции Ряженое, сразу же вступила в бой. Красные своей массой рвали слабый фронт отряда, обходили его. Они обошли станцию Ряженое и захватили тот состав, на котором приехала Гвардейская рота. Все, кто находился в нем: машинисты, медицинский персонал, раненые, чины хозяйственной части, – были убиты.

Лавине красных отряд полковника Кутепова противостоять был не силах. За день красные от Матвеева Кургана продвинулись к югу на 20 верст. Срочно из Таганрога вызывается 1-я рота 2-го Офицерского батальона с влитой в нее Таганрогской офицерской ротой, ставшая численностью до 180 штыков, а из Ростова выезжает 2-я рота этого же батальона в 100 штыков. Ночью эти роты выгружаются на станции Неклиновка и занимают участок перед ней, седлая железную дорогу. Правее их – Гвардейская и Морская роты. Значительно дальше – Партизанский отряд. На станции стояли блиндированный поезд с единственным в отряде орудием и броневедомоцикл. В офицерских ротах было только около 50 патронов на винтовку и незначительное количество лент на каждый пулемет. Утром ожидалось наступление красных.

12 января. Утром густые цепи красных смело перешли в наступление. Несколько их орудий открыли огонь по редкой цепи офицерских рот. По противнику стреляло лишь одно орудие и, казалось, то, что было одно орудие, – только подбадривало противника. Офицерская цепь молчала: она должна открыть огонь, когда красные подойдут на 200 шагов. Наконец, едва красные с криками «Ура!» бросились в атаку, офицеры встали и открыли огонь; затрещали очереди пулеметов. Несколько моментов, и атакующие расстроены. Офицеры переходят в контратаку стремительную и беспощадную. Действуют их штыки. Красные бегут. Их обстреливает из пулеметов вырвавшийся вперед броневедомоцикл. Преследование противника буквально «на его плечах» велось на расстоянии до 4 верст и было остановлено по приказанию. Враг разбит наголову.

Роты отходили в исходное положение по полю, усеянному убитыми и ранеными. В обеих же ротах потери не превышали 50 человек. В это время единственной заботой офицеров было собрать патроны, сделать их запас.

Каким-то непонятным образом оказалось и несколько десятков пленных красных. Один из них, рабочий из Москвы, перед смертью сказал: «Да! В этой борьбе не может быть пощады». Офицеры были поражены выдержкой и хладнокровием этого коммуниста, его несломленным убеждением в правоте дела, которому он отдался. Ему не отказали в просьбе написать письмо своим матери и жене. Письмо это было опущено в почтовый ящик на станции Неклиновка.

Деморализованный противник отошел к Матвееву Кургану и несколько дней оставался совершенно пассивным. Добровольцы тогда сделали вывод: будь Добровольческая армия силой в 10 000 человек, она бы освободила страну.

13 января прошло совершенно спокойно, но в ночь на 14 января красные подняли восстание в Таганроге.

Оставшаяся там рота юнкеров, занимавшая взводом (до 50 человек) с пулеметом вокзал, другим взводом – спиртной завод и полуротой, с которой был полковник Мاستыко, Балтийский завод, оказалась окруженной по частям и потерявшей связь с полковником Кутеповым. О соединении разбросанной роты не приходилось думать: красные засели в зданиях вокруг юнкеров, своим огнем желая задушить их сопротивление. Единственная попытка прямой атакой овладеть вокзалом кончилась для красных неудачно. Свою атаку они начали с того, что пустили на вокзал полным ходом паровоз. Железнодорожные линии здесь упирались в главный

перрон вокзала. Разлетевшийся паровоз с шумом и грохотом врезался в перрон, испуская пар, огонь и густое облако пыли, но последовавшая немедленно атака была отбита юнкерами.

Полковник Кутепов, узнав о восстании в городе, снял с позиции у станции Неклиновка 1-ю офицерскую роту и направил ее в Таганрог. Рота легко прорвала кольцо краевых и соединилась на вокзале с взводом юнкеров, уже потерявших 5 человек убитыми и около 10 ранеными. Развить свое наступление далее в город рота не решилась: ей пришлось бы преодолевать огонь красных, массой засевших в ближайших зданиях. К тому же наступила ночь.

Непрерывная стрельба. Красные стреляют по окнам вокзала. В городе пожар. Это ими подожжено здание спиртового завода, в котором был взвод юнкеров. Взвод прекратил свое сопротивление, погибнув в огне под штыками красных.

15 января не внесло никаких изменений в положение окруженных частей. Атаковать красных стоило бы больших потерь. На вокзале ухудшило положение отсутствие воды: красные закрыли водопровод, но пока вырuchал вскочивший на перрон паровоз, в котором была вода, достать которую можно было с большим риском.

К концу дня для обеих групп – на Балтийском заводе и на вокзале – стало очевидным, что оставаться на местах им бессмысленно, соединиться невозможно, а потому оставалось одно: пробиться и выйти из города по кратчайшим для каждой направлениям.

16 января. За несколько часов до рассвета полковник Мاستыко вывел свою полуроту юнкеров с завода в северо-восточном направлении. Сразу же ей пришлось вступить в бой: пробиваться и отбиваться — на флангах и с тыла. Юнкера бились отчаянно, унося с собой своих раненых. Упал тяжело раненным полковник Мастыко. Его хотят нести, но он приказывает оставить его и пробиваться. Юнкера в нерешительности мнутя около своего начальника, умоляют... Сыплются пули красных. Мгновение: полковник Мастыко застрелился, и только тогда они отошли от него. Вынести его и своих тяжело раненных юнкера уже не могли. Они пробивались, но в половинном числе. Красные не преследовали.

Отряд, стоявший на вокзале, также выступил до рассвета, взяв с собой убитых и раненых. Но красные не оказали ему серьезного сопротивления, так как в это время с севера по железной дороге подъехал взвод 2-й офицерской роты, посланной для установления связи. Красные расступились. Связь была установлена, но Таганрог уже оказался оставленным.

Утром этого дня на станции Бессергеновка высадился прибывший из Ростова Юнкерский батальон и направился в Таганрог для поддержки Школы прапорщиков. Но, встретив пробившуюся ее группу, остановился. Ему теперь дана задача: прикрывать железную дорогу на Ростов, единственный путь связи отряда полковника Кутепова с тылом. Такая же задача легла и на Школу прапорщиков, оставшуюся в составе одной роты, стоящей до сего времени на охране железной дороги, и остатков в 40–50 человек другой роты.

Положение отряда полковника Кутепова создавалось очень тяжелым. Одни его части: Морская и Гвардейская роты и Партизанский отряд имени генерала Корнилова стояли на линии станции Неклиновка, верстах в 25 севернее Таганрога, фронтом на север, другие – Юнкерский батальон и Школа прапорщиков – на линии станций Марцево – Бессергеновка, в 5 верстах от Таганрога, фронтом на юг. 1-я и 2-я офицерские роты были в резерве; одна из них погруженной в железнодорожный состав.

В таком положении отряд простоял четверо суток. С севера красные даже и не пытались наступать: они все еще не могли прийти в себя после разгрома 12 января. Несколько раз они пытались наступать от Таганрога в направлении на станции Бессергеновка с поддержкой матросов и тяжелой артиллерии. Все их попытки отбивались славным Юнкерским батальоном, в первый раз выполнявшим задачу самостоятельно, получившим боевую закалку и, собственно, учившимся воевать. Его юные и неопытные сестры милосердия, вчерашние гимназистки, учились на практике своему делу, нелегкому, требующему к тому же полного хладнокровия и спокойствия. Был такой случай: у кадета сильное ранение в нос. Сестра Шура растерялась – пере-

вязка сложная, и... ей жалко кадета. Она расплакалась. Ее утешает сам раненый, начавший тоже лить слезы. перевязка все же сделана.

Для противника оставалась одна возможность заставить отходить отряд полковника Кутепова – обойти его с северо-востока, там, где занимали линию фронта слабые партизанские отряды между отрядом полковника Кутепова и отрядом, прикрывавшим прямое направление на Ростов. Эту возможность он, имея огромные силы, и постарался использовать. Но и само очертание фронта отряда полковника Кутепова, весьма опасное, имело бы значение и смысл, если бы предполагались наступательные действия. Но их уже не намечалось. Поэтому, в силу всех сложившихся обстоятельств, отряду приказано было отойти на линию станции Бессергеновка.

Фронт отряда значительно сократился, но одновременно и была сокращена его численность. Из него отбыли в Ростов: школа прапорщиков, Юнкерский батальон, Партизанский отряд имени генерала Корнилова, а затем и Морская рота. Отход отряда прошел безо всякого давления противника.

* * *

Резко наступила суровая зима с пронизывающими ветрами. Временами падал снег, который ветер взвирывал метелью. Обыкновенно в это время пустынна донская степь, но в январе 1918 года она жила новой, особой, жизнью. На возвышенных местах, где особенно веял ветер и вьюга, стояли посты, заставы, скакали всадники для связи и разведки. Иногда рокотала стрельба.

К 27 января отряд полковника Кутепова был отведен еще на 10 верст к востоку, к станции Морская. Отвод вызван глубоким охватом отряда справа. У противника появились значительные кавалерийские части, бывшей 4-й кавалерийской дивизии, противостоять которым два слабых партизанских отряда и вышедшая на фронт первая кавалерийская часть Добровольческой армии – сотня полковника Гершельмана в 50 коней, не могли.

К этому времени отряд был усилен ротой Корниловского ударного полка в 100 штыков с двумя орудиями – взводом 1-й Юнкерской батареи, получившим на этот раз орудия от донцов.

27 января красные повели наступление на отряд, были отброшены, но обход справа заставил его отойти к станции Синявской.

28 января на этот раз удачное наступление красных принудило отряд отойти еще на 20 верст к востоку, к станции Хопры. До Ростова оставалось 10 верст.

На станции Хопры отряд полковника Кутепова был сменен отрядом генерала Черепа, численностью в 820 штыков и сабель при двух орудиях 2-й Офицерской батареи и бронированном поезде. В отряд входили: весь Корниловский ударный полк, казаки станицы Гниловская, решившие защищать свою станицу, один партизанский отряд, а затем и другой – сотника Грекова.

Отряд сотника Грекова имел в это время до 150 штыков и сабель и отличную боевую репутацию: красные называли его отрядом «Белого дьявола»; но за ним была и другая «слава» – слава диких реквизиций. Генерал Корнилов хотел расстрелять всех офицеров, расформировать отряд, но тяжелое положение на фронте побудило его отправить его под Хопры, с тем чтобы искупил свою вину. В первую же ночь отряд произвел налет на станцию, нанес красным большие потери, а главное, расстроил их подготовку к наступлению наутро. Тем не менее недели через две отряд был расформирован и частично влит в части, ставшие впоследствии «марковскими».

Отряд полковника Кутепова – 1-я и 2-я офицерские (2-го Офицерского батальона) и Гвардейская роты, вместе со взводом Юнкерской батареи, сдавшим орудия офицерской батарее, были отведены в Ростов в резерв. В офицерских ротах, имевших в начале боев у Таганрога

около 280 штыков, теперь оставалось не более 200; в Гвардейской – из 70 около 40. В Ростове роты отряда полковника Кутепова были сведены в 3-й Офицерский батальон под его начальством, причем 1-я и 2-я роты составили три роты, а Гвардейская – четвертую.

С. Тернберг² **Выступление Добровольческой армии** **в 1-й Корниловский («Ледяной») поход³**

Много написано о Корниловском походе Добровольческой армии за 50 лет. Каждую годовщину, 9 февраля, повторяется в печати почти одно и то же: 80 дней, из коих 44 боя, 1050 верст пройденного пути. Потери: около 500 убитых, 1500 раненых и т. д. Даются и точные числа участников с распределением по чинам. К этим сведениям я лично отношусь крайне скептически. Жалованье не платилось до конца похода, снабжение шло своими средствами, списков никаких не велось. Встретил я в походе своих бывших друзей – реалистов и кадет. Из похода они не вернулись, хотя я их видел живыми уже после Екатеринодара. Все мои попытки узнать об их судьбе или хотя бы о дате и месте смерти так и остались тщетными, несмотря на то что я был при штабе и поиски начал сейчас же по возвращении из похода.

Но дело не в этом, а в том, что в литературе о походе и даже в воспоминаниях высших начальников нет ясного указания на то, какая основная причина заставила армию спешно выйти в поход из Ростова именно 9 февраля, когда еще не все было подготовлено, как это надо было сделать, и потому-то я в своих скромных воспоминаниях боевого пехотного офицера и хочу восстановить этот крупный исторический пробел, пока есть еще память, время и возможность.

Партизанский отряд «Белого дьявола», сотника Грекова, формировался на Барочной улице, № 36, в Новочеркасске, этой колыбели Добровольческой армии. В нем было 65 семинаристов, 5 девушек-гимназисток и 3 начальствующих лица: сам «Белый дьявол», альбинос, кубанский сотник Греков, я, тогда подпоручик, начальник подрывной команды отряда, и урядник Егоров, студент-вольноопределяющийся, рубаха-парень.

В момент самоубийства Каледина отряд был готов к походу. В первые часы после самоубийства не нашлось ни одного казака для почетного караула у тела. Вызвали наших мальчиков-партизан. Впрочем, возможно, что они были казаками. Через два часа их сменили настоящие часовые, а отряд ночью вышел в степь. Как в московских боях, так и в поступлении в Добровольческую армию офицерство держалось странной политики сидения по домам, в кладбищенских склепах и даже в Чрезвычайках, куда оно покорно шло на регистрации и расстрелы, в армию же шли очень немногие, по большей части приезжие извне. В этом основная причина неудач – как московского восстания, так и первой защиты Дона от красного наводнения.

Не буду описывать те тяжелые пять дней, которые мы провели в степи с ее снегом и страшной ночной метелью, когда отряд чуть не погиб целиком, – это не входит в кадр этого повествования.

Вечером 3 февраля мы погрузились в теплушки поезда, который должен был нас везти на фронт, расположения которого мы даже не знали. Непокойно и неприятно было утреннее пробуждение. Во время сна мы даже не почувствовали, что поезд шел и остановился, привез нас к нашей недалекой, как оказалось, от Ростова цели. Громкие крики и приказания немед-

---

² **Тернберг Сергей Николаевич**, р. в 1898 г. Из дворян, сын полковника. Подпоручик. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., в январе 1918 г. в партизанском отряде сотника Грекова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Вооруженных силах Юга России в 1-й телеграфной роте. Штабс-капитан (9 декабря 1919 г.). Эвакуирован из Одессы в Египет. Умер 2 июля 1975 г. в Александрии (Египет).

³ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 5. Февраль 1962.

ленно вылезать из вагонов сопровождалась такими оглушительными залпами из орудий, что мы все мигом выкатились наружу. Недалеко от железнодорожного полотна, прямо в снежном поле, стояло два наших орудия, и это они-то и давали залп за залпом в том направлении, куда двигался наш поезд. Ответной стрельбы слышно не было, и отряд, спокойно сгрузив лошадей (он за странствования под Ростовом превратился в конный), двинулся быстро вперед по железнодорожному полотну, шедшему, как оказалось, к Таганрогу. Это была всего пятнадцатая верста под Ростовом и половина расстояния между Гниловской, ближайшей к Ростову, и станцией Хопры, бывшей уже в руках большевиков. В Хопрах стояла многотысячная Красная гвардия под начальством Сиверса, наш же фронт, верстах в четырех от Хопров, был занят тонкой ниточкой Корниловского полка, человек в 120. Наш отряд в 70 человек и Морская рота человек в 20 являлись сменой и резервом Корниловскому полку. О том, что наши учащиеся ни разу не стреляли из выданных им винтовок и пулеметов Люиса, говорить не приходилось.

Прошли мы от поезда не больше версты, дошли до группы железнодорожных будок, свернули с дороги круто влево, к видневшемуся шагах в трехстах небольшому, прятавшемуся в небольшой группе пирамидальных тополей хуторку, вошли в него, с трудом поместились в нем всем отрядом и стали оглядываться вокруг. Впереди фронт, в версте, не более, в снежном поле, нами совершенно не видимый и не дававший о себе знать абсолютно ничем. Перед нами и сзади нас лежала утопавшая в глубоком снежном покрове белая, блиставшая на ярком солнце равнина. Вправо от нас была железная дорога, группа железнодорожных строений, о которых я уже говорил, а влево нам представилась очаровательная картина. Хуторок, оказалось, стоял на краю высокого обрыва. Внизу под ним тек Дон, покрытый пока толстым слоем льда и снега, а за ним далеко, далеко, за бесконечными плавнями, покрытыми тоже глубоким снегом, и за ослепительно белой, снежной степью блестел главами своих многочисленных церквей и башен далекий, исторический Азов.

Первый день мы провели совершенно спокойно. Я же раздумывал о том, что от судьбы не уйдешь, так как, не будь я в Иловайской и в опаснейших командировках к А.И. Гучкову в Кисловодск, я все равно был бы на этом же фронте, так как Георгиевский полк, в который я был записан по приезду из Москвы, был влит в Корниловский и находился тут же, перед нами. В ночь с 5-го на 6 февраля Греков решил произвести реабилитацию отряда в мнении генерала Корнилова, раздраженного незаконными реквизициями лошадей, и задумал удар на станцию Хопры, не зная, что там уже сосредоточена вся многотысячная армия Сиверса, готовящего решительный удар на Ростов.

Никто из партизан спать, конечно, не ложился, и часов до 11 в главной комнате помещения, занимаемого отрядом, слышались веселые военные, неизвестные еще до этого многим партизанам песни, сильно подымавшие их боевой дух. Пели и «Журавля» с его куплетами на многие полки конницы и гвардейской пехоты, вызвал восторг мой экспромт и про наш отряд:

«Белый дьявол» под Хопром —
Красным предстоит разгром.

К 12 часам ночи 50 партизан вышли на железную дорогу, имея с собой оба неиспробованных еще пулемета. Идти можно было только по шпалам, так как и вправо и влево от железнодорожного полотна лежал такой глубокий снежный покров, что наши мальчишки могли утонуть в нем с головой. Прошли через цепочку Корниловского фронта и очень осторожно двинулись к недалекой уже станции Хопры. Была светлая лунная ночь. За версту от станции, в пустой железнодорожной будке бешено лаяла сошедшая с ума от одиночества и страха собака, и лай ее громко раздавался в ночной морозной тишине. У этой мрачной будки мы оставили своих сестер и двух партизан – слишком жуткая создавалась атмосфера. С этого места железнодо-

рожное полотно стало сильно подниматься над местностью, и влево от него, внизу, показалось небольшое пристанционное строение.

Задремавший часовой-большевик был заколот самим Грековым сейчас же после ответа о том, что он принадлежит к рабочему полку московского пролетариата. Неожиданная, но далеко не приятная встреча со своим «земляком». Кто знает, не было ли в этот момент на Хопрах моих недавних сослуживцев-солдат? Но думать теперь ни о чем времени уже не было. Человек 30 партизан сбежали вниз с насыпи и в ближайших 3–4 домиках кололи штыками обалдевших от неожиданности и сна большевиков. Остальные остались на насыпи и стреляли по другим домикам, откуда стали в массе выскакивать раздетые и полуодетые фигуры, которые, впрочем, довольно быстро опомнились от неожиданности и открыли сильный огонь по отходящим к насыпи партизанам и по нас, лежавшим между рельсами, четко вырисовывавшимся на светлом от луны небе. Наши пулеметчики не могли выправить пулеметный диск, и наш пулемет спорно молчал как раз тогда, когда он был нам столь настоятельно нужен.

Разрывные пули красных стучались о рельсы и разрывались с голубоватым, фосфорическим блеском. Огонь становился все сильнее и сильнее, и соединившиеся партизаны почти прекратили стрельбу, залегши между рельсами и не поднимая из-за них головы. Даже нагайка и ругань Грекова ничего не могли поделать с необстрелянной еще молодежью. Вдруг заработал пулемет, и даже не один. Минутная мысль, что это наш, а затем еще большее уныние. Сильные пулеметные струи, несшиеся над нашими головами, и крики наших пулеметчиков, сообщавших о том, что они отходят, так как нет возможности вынуть заклинившиеся диски, показали нам, что через несколько минут мы будем сметены с полотна или раздавлены пришедшими в движение поездами и паровозами. Начался отход, и настолько поспешный, что троих раненых или убитых партизан с собой не взяли... о чем, впрочем, до возвращения на хуторок мы и не подозревали. Легко раненные шли сами и были перевязаны ожидавшими нас у будки сестрами. Собака там все еще лаяла. Я стал у стены, выходящей на Хопры, но там снова все было тихо. Большевики, переоценивая наши силы, на преследование, которое было бы для нас роковым, не решились. Двух раненых понесли на руках, и не более как через час отряд был снова на хуторке.

На утро генералу Корнилову донесли о происшедшем и сейчас же получили от него ответную благодарность. Раненых отправили в Ростов, и сведений о них никогда больше не имели. Пользы фронту и Ростову наша вылазка не принесла, конечно, никакой, а уменьшила наш и так небольшой отряд еще человек на восемь, а кроме того, заставила нас опасаться, что в случае ранений мы не будем вынесены из боя, а все уже великолепно знали, на что можно было рассчитывать, попав живыми в руки красных палачей. Как оказалось впоследствии, в момент нашего нападения на Хопры там была сосредоточена для наступления на Ростов вся армия товарища Сиверса в 20 000 штыков и сабель, с большим количеством бронепоездов.

Весь день 6 февраля и ночь на 7-е прошли совершенно спокойно. День 7-го – тоже ни выстрела, ни звука на фронте, как будто бы его и не было. Погода прекрасная. Солнце. Искрящийся от его лучей и даже начинающий подтаивать сверху снег. Вид на Азов чудеснейший. Настроение в отряде неплохое, бодрое, не прочь повторить позавчерашнюю авантюру. Стоила она красным недешево, сотни две их, а то и больше, отправились гноить хоперское кладбище. Новостей из Ростова никаких.

Но к 4 часам вечера 7 февраля раздался далекий пушечный выстрел, засвистела над нашими головами большевистская граната, другая, третья и разорвались в степи, недалеко за нашим садиком. Огонь велся гранатами только и из нескольких орудий и не прекращался часа два. Ни одна из гранат за все это время не попала не только в хуторские строения, но даже и в сад, в который мы все вышли, чтобы полюбоваться грозным, но красивым зрелищем. Громадные фонтаны белого снега и черной земли взметывались вверх по 4 и по 6 одновременно. Плохие у товарищей были артиллеристы в этот день: все сотни выпущенных снарядов взрыли

лишь голое поле. Огонь стих так же неожиданно, как и начался. Впечатлений и предчувствий никаких. Ночь прошла опять совершенно спокойно, а 8 февраля к вечеру нами было получено приказание выступить на фронт, в снег, на усиление мерзшего там уже много дней геройского Корниловского полка. Выступление было назначено на вечер 9 февраля, но уже с 6 часов утра этого исторического для армии и России, но неприятного лично для меня по переживаниям дня большевиками был открыт ураганный огонь по тылам фронтов, через головы корниловцев, как раз по линии от хуторка до железнодорожных строений и даже левее и правее этих двух пунктов, так что многие снаряды, опять-таки только гранаты, рвались и внизу на льду Дона, разбивая его на миллионы бриллиантовых, горевших радугой в лучах поднимавшегося солнца брызг, и в степи далеко за железнодорожными будками, где из-за глубокого снега никаких добровольцев не было, да и не могло быть. Огонь был настолько ожесточенным и сильным, что даже для наших неопытных воинов, покинувших школьную скамью не больше месяца тому назад, стало ясным, что это не просто обстрел, подобный позавчерашнему, а начинающееся большевистское наступление, и нам, вместо предполагаемого движения вперед, придется вести бой тут же в хуторке или отступить назад.

Этому последнему предположению категорически воспротивился сам Греков. Он, с присущей ему горячностью, упрямством и позой, заявил: «Кто бы мне ни отдал приказания отступить, я с партизанами умру, но не сделаю и шага назад!»

Обещание это он, может быть, и сдержал бы, но более благоразумное начальство передало его решение по телефону из железнодорожной будки в Ростов, и оттуда было получено приказание: «Глупостей не делать, а подчиняться всем распоряжениям начальника участка полк. С.⁴», который был тут же, куда подтянулась с хуторка и половина нашего отряда, тогда как другая часть сопровождала коней и обоз по льду Дона.

Последнее, что я видел с обрыва на блестевшем до боли глаз от солнца льду красивой реки, это нашу тяжелую патронную повозку провалившуюся колесами в разбитую снарядами дыру, бьющихся около нее людей и лошадей и новые фонтаны рвущихся на льду снарядов. Вытащить ее так и не удалось. Погибла и она, и все бывшие на ней и столь нужные армии патроны. Мой конь пропал вместе с нею.

На железнодорожном переезде мы рассыпались в цепь. Теперь мы не были одни, фронт отступил и был как раз на линии нашего хуторка, на которой временно и задержался, зацепившись за железнодорожные строения. Красных еще не было видно, как мы ни напрягали свое зрение, да и артиллерийский обстрел становился таким сильным, настолько необычным для всех нас, бывших в отряде, что в данный момент все наши мысли сосредоточились только на этом ужасе. Снаряды, падавшие в поле, сзади фронта, стали ложиться все ближе и ближе к нашему переезду, и, наконец, одна очередь легла прямо среди нас, попав в шлагбаум и железнодорожные пути... Вторая и следующие попали туда же, и воздух сделался смрадным и тяжелым, солнце для нас совершенно померкло, в воздух летели куски дерева, железа, земли, стекло и кирпича, а все наши мысли сосредоточились на желании враси или вкопаться в эту мерзлую, твердую землю. Слышались крики и стоны раненых, которые или сами, или с помощью своих друзей торопились подняться и идти в тыл, к спасительному, как казалось, Ростову, чтобы выйти из фронтового ада и не получить еще нового, уже смертельного удара. Огонь не прекращался ни на минуту, по временам переносился на тылы, и мы видели, как в снежной степи, не причиняя на этот раз никому вреда, рвались снаряды и взлетали к небу гигантские фонтаны черной земли, а затем снова, к сожалению, очень быстро огонь возвращался в нашу линию, и многих лучших своих сыновей среди корниловцев и партизан потеряла Россия в этот скверный для нее день. Многих мальчиков-сыновей не увидели больше никогда их тоскующие родители и не узнали даже никогда о том, что и где произошло с ними...

---

⁴ Имеется в виду полковник В.Л. Симановский.

О том, что красные цепи приблизились к нам, мы узнали по начавшемуся внезапно, но крайне сильному пулеметному огню, шедшему как раз по линии железнодорожного полотна. Пулеметчики-большевики этого дня, как и их артиллеристы, были куда лучше тех, которые так бесцельно растрачивали снаряды прошлые дни. Пулеметный огонь был настолько силен, что приковал нас к земле, и мы лишь изредка поднимали головы, чтобы выпустить несколько пуль по не видимому все еще впереди противнику, и вдруг чей-то предостерегающий, полный ужаса крик, взгляд направо, в степь, откуда никакой опасности и не предполагалось, показали нам, что нужно отступать, не задерживаясь ни на минуту: вся степь по горизонту, на расстоянии не более полутора верст от нас и железной дороги – и впереди, и далеко сзади нас, так далеко, как мы могли только видеть, – была усеяна черными движущимися линиями большевистских цепей, зашедших нам глубоко в тыл, но двигавшихся, к счастью, крайне медленно из-за глубокого, спасительного для нас на этот раз снега. Необходимость заставила нас встать с земли, что было очень трудно, эта же необходимость заставила, что было еще труднее, выйти на рельсы, так как идти можно было только по насыпи, идти же было необходимо, чтобы выскочить из грозной, готовой хлопнуть за нами западни, а вдоль рельс несли страшный стальной вихрь пулеметного огня. Обошедшие нас справа цепи молчали пока, так как, видимо, употребляли всю свою энергию лишь на то, чтобы поскорее выбраться из снега на железную дорогу и отрезать нам единственный путь отступления.

Греков снова пытался кричать о том, что отступление позорно, что он застрелится, но не отступит; гимназистка Ася, стоя в положении «с колена», спокойно посылая пулю за пулей в красных, какой-то черкес или кубанец, офицер, взявшийся неизвестно откуда, втащив свой тяжелый пулемет Максима на крышу небольшого железнодорожного строения, тщетно звал опытных пулеметчиков и угрожал отступающим плетью; какой-то блестящий, в мирной шинели, гвардейский красавец офицер уступил откуда-то, как и он, чудом появившейся здесь, в подобной обстановке не менее красивой и шикарно одетой в каракулевое манто даме место на дрезине и готовился прыгнуть на нее и сам, сопровождаемый нашими завистливыми взглядами, как одна из тысяч несшихся от красных пуль стукнула его в затылок и убила наповал, окрасив кровью его мирную шинель... И долго мы видели впереди нас удаляющуюся к Ростову дрезину с безжизненным уже трупом, навалившимся на нее грудью, с ногами в щегольских лаковых сапогах, чертивших не покрытые снегом шпалы, дама же тщетно пыталась зачем-то втащить мертвое тело на дрезину, но ей это по слабости сил не удавалось... Вот приблизительно и все, что осталось у меня в памяти от этого кошмарного пути, где каждая секунда, каждый шаг грозил смертью, но мы все-таки не бежали, а шли очень медленно и даже останавливались, чтобы огрызнуться и послать несколько пуль то назад, то в степь, во все приближавшиеся и увеличивающиеся черные фигуры не то матросов, не то рабочих...

Так мы дошли до станции Гниловской, последней станции перед Ростовом. Было уже часа три дня, но солнце светило еще очень ярко, и мы отступили так далеко, что, очевидно, охват нас сбоку не удался, и мы почувствовали себя в полной безопасности.

Я постоял за станционной водокачкой, но, видя, что и артиллерийский и пулеметный огонь прекратился, решил, что бой на сегодня закончился, что красные тоже выдохлись, что двигаться дальше к Ростову, который был лишь в семи верстах, они сегодня не будут, и только тут вспомнил, что со вчерашнего вечера я ничего не ел и не пил. Усталость только теперь охватила все мое тело. Одет я был очень тепло, так как, кроме шинели, на мне была ватная солдатская кофта, а кроме вооружения, на мне был мешок со всяким моим, правда небогатым, имуществом, которое я вполне резонно не доверил провалившейся под лед Дона повозке. Два бывших со мною партизана, уставшие еще более меня, втянутого уже почти два года в тренировку военной службы, и сошедших только что с парты какой-то семинарии, предложили пойти с ними в станицу, чтобы чем-нибудь там закусить. Предложение мне крайне понравилось, и я на него поспешно согласился. Тут же, шагах в двухстах от железной дороги, на стороне, ближ-

ней к реке, в чистой, красивой казачьей хате мы нашли и угощение и отдых. Казачки любезно поставили на стол и молоко, и сало, и хлеб, все показавшееся нам небесно вкусным... Не так тела, как наши души так устали от всего пережитого за этот ужасный день, что за этим гостеприимным столом, в этой теплой, милой хате мы позабыли обо всем происходящем и далеко еще не закончившемся.

И вдруг раздавшаяся над самым ухом пулеметная трель заставила нас немедленно же вернуться к грозной действительности. Взгляд в окно показал, что большевики вошли уже в станицу и были не далее как в пятидесяти шагах от нашего домика. Секунды не прошло, как я со всеми своими пожитками несся по станице влево, к спасительной, как мне представлялось, станции. Инстинкт подсказывал, что мне нужно бежать не только влево, но и вперед, чтобы, приближаясь к железной дороге, в то же время удаляться от большевиков, продолжавших частый и сильный огонь и приближавшихся все время ко мне. Один из бежавших со мной партизан упал, убитый, как я думаю, наповал, другой отстал или избрал другое направление, и больше его я тоже никогда не видел. Я остался один. До железнодорожной насыпи, бывшей в этом месте очень высокой, оставалось шагов восемьдесят. На ней стоял небольшой поезд, состоящий из паровоза и 5–6 вагонов-теплушек. Мне пересекла дорогу улица, шедшая перпендикулярно к насыпи, но бежать по ней я уже не мог: большевики были слишком близко от нее, и мое инстинктивное чувство самосохранения толкало меня дальше от них и заставило с легкостью газели перескочить низенькую, но основательную изгородь большого фруктового сада, примыкавшего уже непосредственно к насыпи, чтобы пересечь его по диагонали.

Я сделался единственной целью бежавшей за мной шагах в стах большой группы красноармейцев, стрелявших по мне на ходу. Это-то, к счастью для меня, и делало их стрельбу неточной. Лишь очутившись в саду и перепрыгнув подзаборную канаву, я понял, что совершил непоправимую глупость, что попался в ловушку, из которой выбраться едва ли смогу, и что я погиб окончательно и глупо. Сделав первый шаг, я провалился по пояс в глубокую снежную целину. Тяжело нагруженный, уставший, стесненный в своих движениях теплым одеянием, с винтовкой и шашкой на себе, я с колоссальной затратой сил сделал несколько шагов, каждый раз проваливаясь то по колено, то по пояс, а то и по грудь в снег. Сзади меня раздалась четкая строчка пулемета, и ледяная, оттаявшая на солнце, а теперь к вечеру снова замерзшая на морозе корка снега заискрилась тысячами бриллиантовых ледяных брызг от пулеметных пуль, чертивших извилистую линию перед самым моим носом. Эта трель и брызги подтолкнули меня, и я прыжками, как заяц, к счастью, еще не раненный, сам не зная как, проскочил до середины сада. Красные, по-видимому, так хотели сбить меня, столь близкого от них, что сильно нервничали, и только этим я мог объяснить свою удачу.

С поезда и паровоза мне кричали, звали, торопили меня. Паровоз давал тревожные свистки и готовился тронуться. Я же опять двигался как черепаха, и желанная насыпь если и не была далеко, то все-таки была совершенно недосыгаема. Из вагонов раздалось несколько выстрелов в сторону моих преследователей, которых я даже ни разу и не видел, так дорога была мне каждая секунда и каждое движение, подвигавшее меня вперед. Я и не оглядываясь знал, что увижу за своей спиной. Чего же было еще оборачиваться и тратить на это драгоценное для меня время, отделявшее меня, быть может, от грани смерти. Снова запел свою тоскливую песню пулемет, снова бриллиантовые брызги засверкали в разных частях сада, но я снова остался невредимым, и снова этот звук и чертимые пулями по корке льда линии подтолкнули меня на несколько шагов вперед. И вот, когда я был всего шагах в пяти от последней ограды, бывшей у подножия самой насыпи, паровоз запыхтел, колеса вагонов закрипели по рельсам, толкнулись буфера, и я понял, что погибаю безвозвратно. Не нужен и пулемет. Большевики возьмут меня голыми руками, так как с отходом поезда я, измученный и оставленный, уже от них уйти не смогу никак.

Я сделал последнее, нечеловеческое усилие и вырвался-таки из сковывавших мои движения уз снега. Перевалялся через забор, поднялся из последних своих сил по насыпи и упал около подножки уже двигавшегося вагона. Стреляли ли еще по мне большевики или нет, я этого уже не слышал. Не помню и не знаю и того, кто и как втянул меня на площадку последнего вагона... Я пришел в себя и отдышался только в Ростове, когда спасительный поезд остановился у главного перрона.

Уже вечерело. На вокзале скопились наши уцелевшие партизаны и несколько других оторвавшихся от своих частей добровольцев. На окраине города с западной стороны, откуда мы только что пришли и где никакого фронта, как мы это отлично знали, уже не было, слышались беспорядочные и частые выстрелы. Я был совершенно разбит и физически, после встряски и пути сегодняшнего дня, и морально после встречи со столь близко дохнувшей мне в лицо, вернее, впрочем, в спину смерти. Мы с Егоровым, пережившим, наверное, тоже немало, хотя друг другу мы ничего не рассказывали, хотели пойти в город, постучаться в первую попавшуюся дверь приличного семейного дома и попросить разрешения провести вечер среди людей, не бывших еще на границе безумия и смерти сегодняшнего дня, как мы. Нашли ли бы мы такую семью – этого я так никогда и не узнал. Нам сообщили, чтобы мы с вокзала никуда не отлучались, что наша армия – о, какое это было громкое, в применении к нашей горсточке молодежи, слово – «армия»! – покидает сегодня же вечером Ростов, что фронта более не существует и большевики входят в город.

Мы лежали немного на грязном полу вокзальных зал, потом постояли немного перед темным зданием Парамоновского дома, в котором помещался Штаб, а потом, по приказанию начальства, стали ловить уваливавшихся от нас ростовских извозчиков и заставляя их везти нас в станицу Аксайскую, бывшую в 24 верстах от Ростова на пути в Новочеркасск.

Ужасный день 9 февраля 1918 года кончился, и начался 80-дневный поход, вошедший в историю России под именем 1-го Кубанского, Корниловского и Ледяного, и покрывший Добровольческую армию навеки неувядаемой боевой славой.

В. Мыльников⁵

Из прошлого (Из Новочеркасска на станцию Матвеев Курган)⁶

У нас в дивизионе с каждым днем дела все шли хуже и хуже. Если раньше молодые казаки, только что призванные на службу, еще не были затронуты пропагандой, то теперь все больше и больше они ей поддавались. Занятия с казаками еще производились, но это была какая-то видимость, а не служба. Было несколько случаев неповиновения, оставшихся без наказания. В офицера, во время его ночного обхода постов, неизвестными были брошены камни, прожужавшие мимо ушей. Окна в наших бараках были без ставень, и несколько дней тому назад в дежурного офицера, сидевшего в кресле в дежурной, через окно был брошен булыжник с такой силой, что ободрал кожу на кресле в двух вершках от головы офицера. У меня лично в этом отношении все благополучно: на дежурстве по дивизиону хожу ночью проверять посты и дневальных – все сходит хорошо. Как-то в три часа ночи поймал дневального,

---

⁵ **Мыльников Владимир Степанович**, р. 19 мая 1895 г. в Новочеркасске. Окончил Новочеркасское реальное училище (был студентом Донского политехнического института), Николаевское артиллерийское училище (1917). Офицер 26-й Донской казачьей батареи. Участник Степного похода в отряде есаула Ф.Д. Назарова пулеметчиком, затем инструктор артиллерии в 1-м дивизионе 1-й Донской казачьей дивизии. В марте 1920 г. взят в плен, бежал и воевал в повстанческой армии на Кубани в отряде полковника Крыжановского, весной – летом 1920 г. командир отдельной Донской казачьей батареи в войсках генерала Фостикова на Кубани. В Русскую Армию прибыл за несколько дней до эвакуации Крыма. Есаул. В эмиграции в Югославии и Франции. Участник РОА, с 1948 г. в Бразилии. Председатель отдела Союза Инвалидов, член военно-исторического кружка. Умер 12 августа 1974 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

⁶ Впервые опубликовано: Родимый край. № 105. Март – апрель 1973.

что у него потухла печь, поставил его на два часа под шашку и сам присмотрел за выполнением этого приказа.

С нашим вахмистром у меня очень хорошие отношения, он сверхсрочный служащий из тех вахмистров, про которых казаки говорили – «он на три аршина под землей видит», служил в нашей гвардейской батарее, участвовал в торжествах по случаю 300-летия Дома Романовых, любил и умел об этом рассказать. Во время ночных дежурств, обходя дивизион, я его часто где-нибудь встречал и если еще не было поздно, то задавал ему вопрос: «А как это, вахмистр, вы рассказывали, что наша батарея взяла 1-й приз за стрельбу?» И он начинал рассказывать, да таким образным казачьим языком, что я просто его заслушивался. Смотришь – и прошел час скучного ночного дежурства.

Вначале я попадал на дежурство на 8-й день, прошлый раз же попал на 4-й, а последний раз – на 3-й день. Где же господа офицеры? Окончив дежурство, пришел домой, поспав и закусив, отправился к штабу, где у меня были знакомые, узнать, что нового. Вышел на Московскую и направился к атаманскому дворцу. Меня несколько удивила какая-то особенная пустота улиц. Вот навстречу идет какой-то прилично одетый господин, подхожу ближе, узнаю, что это член окружного суда, знакомый моего отца. Но вид у него более чем странный: слезы текут из глаз, стекают по усам, падают на землю... Я бросаюсь к нему: «Что с вами? Чем я могу помочь?» Он останавливается, всхлипывает: «Каледин... застрелился... Дон... погиб...» Безнадежно машет рукой и идет дальше, наверное даже не узнав меня.

Только вчера передавали слух, что Чернецов убит, сегодня застрелился генерал Каледин, оба для меня, хотя и по-разному, были крупными величинами. А теперь кругом – мразь и разложение. Я казак всей душой, но, видя разложение казачества, мрачные мысли приходят в голову. Ждать, когда меня придушат большевики? Никогда! Мне кажется, что те, кто хотят и будут драться с ними, – это добровольцы. Значит – к ним. Почти бегом направляюсь на Барочную улицу, где находилось бюро Добровольческой армии, врываюсь туда и почти кричу какому-то капитану, сидящему за столом: «Прошу занести меня в списки Добровольческой армии...» Капитан приподымается: «С кем имею честь говорить? Успокойтесь...» Я прихожу в себя и уже связно рапортую о себе. «Так вы состоите на действительной службе в артиллерийском дивизионе?» – «Так точно!» Он после недолгого раздумья говорит мне: «Присядьте, пожалуйста, немного подождите, я сейчас вернусь». Вышел какой-то полковник, задает тот же вопрос, заканчивая его: «...и хотите записаться в Добровольческую армию?»

«Так точно, господин полковник! Я знаю, что в дивизионе никто не выступит против большевиков. Отряд есаула Чернецова, куда бы я поступил, – не знаю где и в каком состоянии после смерти командира. Теперь, после смерти атамана, полагаю, что все рухнет, а сдаваться красным я не желаю и поэтому прошу зачислить меня в Добровольческую армию».

«Хорошо, сегодня же мы зачислим вас в списки, но вы останетесь на службе, а мы будем поддерживать с вами непрерывную связь, сообщите ваш домашний адрес и, даже уходя куда-нибудь, оставляйте записку, где вас можно найти».

Много позже я слышал, что у добровольцев был план, что если у нас произойдет полный развал, то попытаться всеми способами вывезти орудия из дивизиона.

Вышел я очень расстроенный, раздумывая обо всем происшедшем, а главное – об атамане Каледине. Мне неоднократно рассказывали, что вот привезут друзья какого-нибудь убитого чернецовца Петю или Мишу и жмутся в полутьме громадного собора, ожидая батюшку, чтобы отслужить панихиду. Вдруг слышат мерные шаги – это подходил атаман Войска Донского генерал Каледин и отстаивал всю панихиду, провожая одного из редких защитников Дона. Что думал, что чувствовал генерал, недавно командовавший многими десятками тысяч людей, присутствуя на отпевании и похоронах безусого воина Миши? Власть, поддержанная силой, – действительно власть, власть не поддержанная ничем, – ноль, а ему вручили власть

и не поддержали. Что нужно было пережить, перестрадать, чтобы прийти к выводу, что единственный выход из положения с честью – это застрелиться?

В штабе – полная растерянность: «Сейчас мы совершенно не знаем, что будет дальше...» Вспоминаются события последнего времени: большой кулак перед носом полковника Попова, горсточка офицеров, отозвавшихся на призыв Чернецова, казаки-фронтовики, плакавшие и клявшиеся защищать Дон после речи атамана и разъехавшиеся по домам в первую же ночь, судья, у которого слезы катились по усам... Брожу по улицам, захожу к знакомым, всюду растерянность, а что будет завтра?

В дальнейшем, лично для меня, разыгрался такой вихрь событий, что распределить все точно по дням не могу, ведь с той поры прошло немало лет, изложу, как помню. На следующий день или через день, когда я явился на службу, то узнал, что получен приказ выслать взвод артиллерии из запасного дивизиона в Добровольческую армию на фронт за Ростов и это поручено сотнику Зипунникову. Я занимался в это время с казаками пешим строем и издали видел, что Зипунников кричал на казаков, те кричали на него, а потом человек двадцать бросилось на сотника с кулаками, и он бросился от них, отстегивая на ходу кобуру револьвера. Получалось то же, что и при разоружении Хутунка.

Полковник Попов собрал в дежурной совещание из командиров батарей войсковых старшин Шульгина и Фарапонова и еще нескольких офицеров, где я не присутствовал, и к какому заключению они пришли – не знаю... Через день или два я пытался вести какие-то занятия с казаками. Подходит вестовой: «Полковник Попов просит вас к нему явиться». Прихожу в дежурную, полковник нервно шагает из угла в угол. «Думаете ли вы, что вы сможете вывести взвод в Добровольческую армию?» И добавил с улыбкой, которая была больше похожа на гримасу: «У вас какие-то там отношения с казаками...» Вся кровь бросилась мне в голову, и я был готов наговорить много по поводу «каких-то отношений» и за свои слова наверно бы попал под суд, но тут мелькнула мысль – да ведь это блестящий выход, чтобы уйти к людям, где есть дисциплина, а главное, где хотят биться с большевиками. Сдержавшись, я ответил: «Разрешите некоторое время на размышление?...» – «Хорошо, я буду здесь до шести часов».

Я вышел и пошел, размышляя, между бараками. Лучшего нечего и желать, но как это сделать? Я молод и неопытен, а посоветоваться не с кем... Но тут мелькнула мысль – а вахмистр? Он человек крепкий, ко мне хорошо относится и не раз рассказывал мне о разных каверзных случаях из его служебной жизни. Почему не попробовать? Вызываю вахмистра. Говорю ему: «Хочу с вами посоветоваться, как со старым служакой, выдавшим всякие виды». Вахмистр, по-видимому, польщен таким обращением. «Как вы думаете, если мне поручат вывести взвод, дадут ли это сделать казаки?»

«Нет! Конечно, к вам казаки хорошо относятся. Старшие казаки-артиллеристы вас не знают и поэтому не трогают, а наша молодежь получает письма из полка, где вы служили, в которых очень хорошо об вас отзываются, и о чем рассказывают во всем дивизионе, а вывести взвод все же вам не дадут».

«Но, вахмистр, и вы и я хорошо знаем, что у нас всего 15–20 «заводил», которые всем руководят, а если бы их удалить, то с остальными можно было поладить».

«Так точно! Знаю и не раз об этом докладывал, но до сих пор никаких распоряжений об этом не последовало».

«Вахмистр, а не знаете ли вы, как бы это сделать, чтобы этих «заводил» хотя бы на короткое время удалить, а я бы попробовал за это время взвод вывести?»

Разговаривая, мы ходили между бараками. А тут вахмистр даже остановился.

«А ведь можно, Ваше Благородье! Вся эта дрянь с субботы вечером по бабам да по кабакам расходится, а в воскресенье во всем дивизионе и людей-то нет. Вот если бы вы получили бы приказ, чтобы в воскресенье, часиков в шесть утра, вывести взвод, можно было бы и попробовать. Пока бы «заводил» разыскивали бы да собирали, это можно было бы сделать».

Некоторое время мы еще обсуждали «за» и «против». «Если вы получите такой приказ, – говорит вахмистр, – то я человек тридцать смирных ребят попридержу на воскресенье».

Я иду к Попову и излагаю мой план. «Так что же, это самим у себя орудия красть?» – «Если у вас есть какой-нибудь другой план, господин полковник, – прикажите!» Некоторое время Попов мечется, но в конце концов бросает: «Хорошо!» И машет рукой.

Дальше вначале все шло как по писаному: в воскресенье рано утром ко мне домой прибыл казак с заводным конем и предписанием немедленно явиться. Скачу в дивизион, вахмистр мне быстро докладывает что «заводил» никого нет, а тридцать смирных ребят ждут. Он их приводит, но тут – непредвиденное обстоятельство: «заводилы» разъехали на орудийных лошадях, а к обозным, которых мы собираемся взять вместо них, орудийная амуниция не подходит, нужно что-то укорачивать или перетягивать.

«Шорников, какие есть, скорее сюда! Тюк пресованного сена и куль овса на передок увязать, ведра, фонарики, шанцевой инструмент...» – голос вахмистра слышен всюду. Спасибо ему, я бы по молодости лет и по неопытности о многом и не подумал бы. Наконец все готово, получаю последние инструкции: «На станции уже готовы платформа для орудий и вагоны для лошадей. Как можно скорее грузитесь, телефонируйте мне и трогайтесь. В Ростове явитесь вот по этому адресу есаулу Каменеву, он назначен командиром взвода и уже несколько дней ждет взвод, а вы назначены младшим офицером».

На вокзале благополучно грузюсь, телефонирую Попову и еще раз слышу: «Скорее трогайтесь...» Казаки уходят, со мной остается вольноопределяющийся Власов, и через час после всяких маневрирования мы трогаемся, тащимся очень медленно и в Ростов прибываем часа в два; беру там извозчика и еду к Каменеву. Застаю его в столовой, в расстегнутом кителе, который он с трудом старается застегнуть, видно, он только что плотно пообедал. «А взвод прибыл? Но я еще не кончил некоторые переговоры с Добровольческой армией, а пока что ведите взвод дальше, а я вас догоню».

Являюсь коменданту станции с просьбой отправить нас как можно скорее. Здесь всюду распоряжаются добровольцы, но железнодорожники – сплошь большевики и всячески стараются ставить палки в колеса. Уже поздно вечером проходим станции Ряженое и Неклиновка, где нам рассказывают, что позавчера здесь были бои с красными, их отбросили и добровольцы занимают сейчас следующую станцию Матвеев Курган. Туда мы прибываем часов в десять вечера. Нас встречают несколько офицеров и на мой вопрос, где штаб и к кому я должен явиться, отвечают: «Штаб вот в вагоне, а являться к полковнику Кутепову, мы вас проводим». Вхожу в плохо освещенный несколькими свечами вагон и являюсь: «Взвод донской артиллерии – орудия два, зарядных ящиков два, гранат столько-то, шрапнелей столько-то, людской состав – я и вольноопределяющийся Власов – в ваше распоряжение прибыли».

«Да, я уже знаю. К пяти часам утра я вам пришлю номеров, немедленно сгрузитесь и вступите в бой. Можете идти!»

Поворачиваюсь налево кругом и выхожу на перрон. Некоторое время стою как ошеломленный. Ведь я только что кончил артиллерийское училище, а завтра мне придется командовать взводом с совершенно неизвестной мне прислугой. Что я буду делать? Подхожу к своим вагонам, мелькают в голове слова старой казачьей песни: «Порой сам ты ешь поплоче, коня же в холе содержи...» Действительно, это первое, что нужно сделать. «Вот что, Власов, нужно зажечь фонарик в вагоне с лошадьми, а затем берите ведра – будем носить воду и их поить». Ночь, холодно, темно, перрон освещен тремя керосиновыми лампами, две по краям, одна в середине, но видно плохо. Сгрузочная площадка очень короткая, и около нее стоит платформа с орудиями, а в вагоны с лошадьми приходится лазить прямо с земли. Темно, неудобно, утомительно, но так или иначе нужно напоить и задать корм 24 лошадям. Только около двух часов ночи эта работа была закончена, я на что-то присаживаюсь и отдаюсь своим мыслям. Есаула Каменева нет, и надо полагать, и не будет. На Киевском полигоне по окончании училища я

выпустил всего пять снарядов, а мне будут присланы неизвестные солдаты, которых я не знаю и которые, быть может, понимают в стрельбе из орудий в бою столько же, сколько и я, а может быть, и меньше. Оскандалюсь! Это случается с каждым не раз в жизни, но в данном случае это совсем другое: за мои неправильные распоряжения, за мои ошибки люди могут расплатиться жизнью, что, конечно, тяжело ляжет на мою совесть. Меня охватывает страх, но страх особый, смешанный со злостью, даже с яростью. Ведь самое незащищенное и слабое существо, загнанное в угол и доведенное страхом, и только страхом, до отчаяния, кидается на кого угодно, не учитывая ни своих возможностей, ни сил. Вот и у меня было подобное состояние.

Постепенно глаза привыкают к освещению, и я уже вижу довольно хорошо. Справа на перроне показывается стройная высокая фигура – кавалерийская шинель, папаха, но пояс висит и чуть ли не болтается. Ага, да это вольноопределяющийся.

«Вольноопределяющийся, пожалуйста сюда!»

Он подсказывает.

«Послушайте, вы – интеллигентный человек – должны показывать солдату пример подтянутости, а вы показываете пример расхлябанности. Извольте затянуть пояс как следует!»

Он старается затянуть пояс, но руки у него как-то трясутся, и он никак не может с ним справиться. Я прихожу в ярость. «Да что вы? Пояса не можете затянуть? «Подхожу к нему и, упираясь в грудь левой рукой, правой затягиваю пояс, говоря: «Три пальца, понимаете, три пальца должны проходить, но не больше... Можете идти!»

Но тут я замечаю, что три офицера, стоявшие под средней лампочкой на перроне и наблюдавшие всю эту сцену, не только смеются, но просто расхохотались. Я не выдерживаю, марширую к ним, рука под козырек: «Господа офицеры! В то время как я делал дисциплинарные замечания вольноопределяющемуся, вы изволили, глядя в мою сторону, смеяться. Разрешите узнать, относился ли ваш смех ко мне или к моим действиям?»

Все они также подносят руки к папахам, а потом старший из них, полковник, дружеским жестом опускает мою руку и говорит мне: «Да вы, голубчик, не волнуйтесь! Дело в том, что это не вольноопределяющийся, а вольноопределяющаяся – Нюсенка, которая у нас на телеграфе служит. Глядя на ваши энергичные действия, капитан и задал вопрос: предусмотрел ли воинский устав случай, когда военнослужащий упирается в грудь рукой и затягивает пояс?» Все смеются, и я тоже. Но чувствую, что нервное напряжение как бы прошло.

Возвращаюсь к орудиям. Медленно тянется время... Но вот около половины пятого в морозном воздухе издали слышно, что идет какая-то маленькая часть, идет хорошо, отчетливо слышна «ножка». Выхожу на противоположную сторону перрона. Смотрю. «Отделение, стой! Стоять вольно! А где же командир взвода?» Я подхожу: «Командир взвода – я». Против меня вытягивается крепкий, среднего роста крепыш, на нем короткий бараний полушубок, солдатская папаха и никаких знаков отличия или его чина. Рапортует: «По приказанию полковника Кутепова номера в вверенный вам взвод в ваше распоряжение прибыли». Ухо мне подсказывает, что это не простой солдат. «С кем имею честь?» – «Капитан Семенов». Мы протягиваем друг другу руки, под распахнувшимся полушубком я замечаю на его груди на гимнастерке черно-оранжевую ленточку. Ого!

«Господин капитан, разрешите передать вам, как старшему в чине, командование взводом?»

«Ни в каком случае. По старым артиллерийским традициям, командиром взвода остаетесь вы, а если вам понадобится совет, то я к вашим услугам». Говорится все это таким тоном, что мне возражать не приходится.

«Разрешите спросить, господин капитан? Приведенные вами люди артиллеристы?»

«Так точно. Полковник Кутепов приказал снять с фронта всех офицеров-артиллеристов и прислать в ваше распоряжение. Самым младшим является поручик Эддис».

Выходит самый младший – старше меня.

«Господин капитан, ввиду того что вы знаете людей, я просил бы вас распределить номеров!»

«Слушаюсь! Штабс-капитан такой-то – наводчиком первого орудия, штабс-капитан такой-то – наводчиком второго орудия...» и т. д. Распределение идет очень быстро, и мы идем на разгрузку. Пушки сгружаются очень быстро, подталкиваем вагоны с лошадьми к разгрузочной площадке, скоро выведены и они, вообще работа кипит, каждый работает изо всех своих сил. Поднимаемся несколько на бугор к поселку, и капитан указывает место для пушек в улице. Перед нами большая площадь, а потом эта улица продолжается и выходит прямо к фронту. Телефонисты тянут проволоку через площадь и дальше на окраину села, и, конечно, само собой получается, что Семенов идет на наблюдательный пункт, а я остаюсь при взводе.

Это первые числа февраля – рассвет поздний, и к нему у нас все готово. С рассветом Семенов пристреливается по цепям красных, но общая тенденция – снаряды беречь. Часов около девяти прибегает ординарец и передает приказание: всем командирам частей прибыть на станцию для встречи генерала Корнилова. Звоню Семенову и получаю ответ: «Конечно, вам надлежит отправиться на станцию». Прихожу туда к одиннадцати, полковник Кутепов выстраивает нас, человек двадцать, в почетный караул для встречи генерала Корнилова. Подходит паровоз с одним вагоном. Вышедший из него генерал Корнилов здоровается с нами. Держит речь.

«Мне нужно три для эвакуации Ростова. Сможете ли вы их мне дать?»

«Так точно, – отвечает Кутепов, – со своих позиций мы три дня не отойдем, а за три дня через нас они не пройдут...»

Корнилов смотрит на нас, подходит к Кутепову, пожимает ему руку: «В лице вашего командира благодарю вас всех...» И, отдав нам честь, входит в вагон и уезжает. Кутепов круто по-варачивается к нам: «Господа! Вы слышали? Передайте все по своим частям!» Возвращаюсь в свой взвод, рассказывая о том, что слышал.

Наконец теперь имею время, чтобы узнать, что за часть защищает Матвеев Курган и вообще общую обстановку. Мне говорят:

«Здесь костяк будущего пехотного полка. Он поделен на роты, количество людей в ротах от 16 до 30 человек. Состав почти сплошь офицерский. Наш левый фланг охраняет наш «бронепоезд» – это простая железнодорожная платформа, обшитая двумя рядами досок, промежуток между которыми засыпан железнодорожным шлаком, по бокам и впереди сделаны прорезы для пулеметов, а паровоз водит инженер путей сообщений. Прямо перед нами лежат наши цепи, а правый фланг охраняет маленький конный партизанский отряд «Белого дьявола» – сотника Грекова.

Впереди была слышна только редкая перестрелка – Семенов берег снаряды. Я полез на крышу, чтобы осмотреться. Налево была большая долина и только верстах в пяти начинались бугры. Впереди с левой стороны между крышами домов виден железнодорожный путь, поперек которого видно на снегу нашу довольно редкую цепь, а за ней цепь красных. Прямо вперед видимость закрывалась крышами домов, и только в одном месте, в улицу, тоже были видны цепи. Направо по поднимающемуся склону были расположены дома, и видимости не было. «Смотрите, наш бронепоезд пошел в бой», – сказал сидящий со мной на крыше наблюдатель. Действительно, паровоз, толкая впереди себя платформу, двигался вперед. Большевики бросились от полотна железной дороги, а платформа остановилась там, где они только что лежали, и открыла огонь из пулеметов вправо и влево, во фланг цепи. Через некоторое время платформа вернулась, у нас там потерь не было.

День проходил спокойно, и в разговоре я упомянул о моем довольно щекотливом поступке с вольноопределяющейся Нюсенькой. «А знаете, у нас в цепи тоже лежит женщина – баронесса Бодэ, – сообщил мне мой собеседник. – История ее такова: на их имение, где жили отец, мать и две взрослые дочери, напала банда. Отца с матерью привязали к креслам, а доче-

рей начали насиловать на глазах у родителей. Разграбив имение, отца, мать и одну из дочерей добились, а другую бросили, считая ее мертвой. После ухода банды вернулась перепуганная прислуга, убитых похоронили, а недобитую забрала к себе на отдаленный хутор преданная ей горничная и там ее выходила. Поправившись, баронесса, узнав, что на Дону еще нет большевиков, переодевшись в платье крестьянки, добралась туда, когда там только начала формироваться Добровольческая армия. Явилась в штаб и, рассказав обо всем, заявила: «Жить я больше не могу – нечем. Покончить с собой не позволяет мне моя вера, а хочу, чтобы меня убили. Прошу зачислить меня в ряды, но не сестрой милосердия, так как вот этого милосердия у меня совершенно нет, а рядовым бойцом». Начальство подумало, поговорило и, хотя это было связано с некоторыми неудобствами, зачислило ее в часть. Вот на днях, когда наша цепь перебежками наступала на станцию Ряженое, команда «Цепь, ложись...», а она, не слушая, не останавливается и бежит вперед. Пришлось ей пригрозить, что если не будет слушать команду, то ее отчислят от части».

На следующий день откуда-то справа начала бить гранатами по нас батарея красных, которой до сих пор у них не было. Она обстреливала наши цепи, поселок и почему-то пристрелялась к площади впереди нас, и когда ее перебежал какой-то ординарец, то получалось впечатление, что она обстреливает одного человека. Он перебежал ее благополучно, но наш телефонный провод был перебит. Два телефониста были у Семенова и один на взводе. Последний сейчас же вскочил и побежал по проводу, но не добежал и до середины площади, как разорвалась граната, и он, схватившись за плечо, забежал за дома. Мелькнула мысль: на взводе сейчас точный расчет номеров, и свободных людей нет, а что, собственно говоря, я? – Фиктивный командир взвода, ну я и должен заменить телефониста и исправить провод. Через секунду я уже бежал вдоль провода, нашел разрыв, связал и уже направился обратно, как близко разорвавшейся гранатой меня кинуло на землю. До взвода я добрался благополучно.

На второй день вечером нам сообщили, что в нашем тылу станции Неклиновка и Ряженое заняты неожиданным налетом красных и что фактически мы окружены. На следующий день мы определили, что цепи красных за ночь очень пополнились и теперь достигли невероятной густоты. Началась уже не перестрелка, а бой, Семенов уже не жалел снарядов, но приблизительно через час выяснилось, что наши цепи отходят – слишком явно колоссальное неравенство сил. Вот красные уже входят в мертвое пространство, и мы уже не можем поддерживать нашу пехоту. Семенов с телефонистами приходит на взвод, красные пулеметы так по ним пристрелялись, что они ели унесли ноги. Уже видны наши цепи на окраине села, входящие в улицы. Обращаюсь к Семенову: «Разрешите спросить вашего совета, как нужно поступать в данном случае?»

«А что же, приказа отступить не было, когда наши пройдут, мы встретим красных картечью, а потом... – Он вынимает из кобуры револьвер и, осмотрев его, добавляет: – Последнюю рекомендуется оставить себе...»

Но что это? В нашей цепи впереди слышен взрыв смеха, смеются по крайней мере человек пятнадцать. Смеяться в это время? Мы с удивлением переглядываемся. В следующий момент слышно: «Ура! Ура!...» Наш наблюдатель с крыши кричит: «Красные бегут, наши их преследуют!» Семенов бежит на наблюдательный пункт и минут через десять мы снова открываем стрельбу по бегущим красным. Положение полностью восстановлено, даже перестрелки почти нет. Как ни странно, но так сложились обстоятельства, что ни в этот день, ни в следующие я ни с кем не говорил о причине смеха и вообще перелома на фронте. Лишь много позже, уже после возвращения из Ледяного похода, мне удалось встретить одного офицера, который хотя и не участвовал в бою под Матвеевым Курганом, но знал капитана Семенова, поручика Эддиса и еще нескольких офицеров – участников этого боя. От них он слышал, что виновницей смеха и изменения общего положения была баронесса Бодэ. При отходе она была легко ранена в кисть руки и, завалившись в какую-то ямку, решила руку перевязать, а когда окончила

перевязку и поднялась, то увидела, что наша редкая цепь уже отошла, ее не заметив и оставив одну. Тогда, поднявшись, она выразила свое мнение об отступающей офицерской цепи в таких выражениях, что все услышавшие ее расхохотались, а полковник, командовавший этим отрезком цепи, с возгласом: «После того как женщина нас так обозвала – жить нельзя. Вперед, за мной – ура!» И все, еще со смехом, бросились вперед, а следуя их примеру, поднялась и пошла вперед и вся цепь. Большевики, совершенно этого не ожидавшие, бросились бежать, даже не стреляя. Смех в цепи я слышал сам, а причину его передаю, как мне рассказывали, но считаю это вполне возможным.

В этот же день или на следующий, точно не помню, под вечер пришел приказ отходить. Есть картинки, которые так запоминаются на всю жизнь, что, несмотря на много прошедших лет, их можно вытянуть из памяти, как цветную фотографию, и посмотреть. Так вот вижу, как из боковой улицы вылетают наши передки, впереди них взрыв гранаты, и среди дыма вижу такого дракона: две оскаленные лошадиные морды взвившихся на дыбы лошадей и среди них совершенно белое каменное лицо поручика Эддиса. К счастью, все обошлось благополучно. Вот мы выходим из поселка. Сразу против нас по дороге верстах в двух хуторок, откуда строчит стоящий на открытой позиции пулемет по нашей жидкой наступающей цепи. Справа через долину, с бугров бьет батарея красных, тоже стоящая на открытой позиции во фланг нашей цепи. Наши штабс-капитаны, наводчики, нагибаются около своих орудий, и третья граната наша рвется между орудий красных и видны человечки, разбегающиеся по снегу во все стороны, на том месте, где стоял пулемет, виден столб дыма разрыва гранаты.

Мимо нас на коне проскакивает полковник Кутепов: «Никого не сажать на передки! Артиллеристы, помните – орудия ваше знамя. Орудия завязнут – и вы с ними останетесь...» На полдороге к хуторку на обочине дороги сидят двое: у одного только что перевязана голова и шея и на бинте видна кровь, у другого бессильная рука засунута за борт полушубка, и он ее поддерживает другой рукой. Я знаю, что за нами нет ни одной подводы. Кошусь на Семенова, но он старательно рассматривает нашу цепь, входящую в хуторок. Кричу: «Подсадить на передок, номерам поддерживать в случае надобности!» Пусть буду я отвечать за неисполнение приказа.

Проходим хуторок, уже ночь, а мы все идем и идем, кажется, уже очень давно, ноги скользят по снегу, все сильнее сказывается усталость. Но вот остановка. Прохожу вперед, вижу, что дорога уперлась в речку, она небольшая, даже в темноте виден противоположный берег. Там, где дорога ныряет в речку, – синеватый ледок, справа и слева лед покрыт снегом, значит, здесь кто-то проезжал и переезд замерз не так давно. «Нужно пробить лед на переезде, иначе лошади порежут себе ноги, и нам конец». Я оглядываюсь, но номеров не видно, надо полагать – отстали. «Мы должны показывать пример, – говорит Семенов, – берите кирку и давайте пробьем лед». Берем по кирке, и я иду с правой стороны по заснеженному льду, рассчитывая, что там он должен быть толще, так как разбиваемый нами лед всего в два пальца толщиной. Мы прошли уже три четверти речки, когда произошло нечто неожиданное: по-видимому, от одновременного удара кирками лед лопнул, и мы оказались оба в воде почти что по пояс. «Ну что ж, – говорит Семенов, – теперь уж все равно, пойдем дальше». Через несколько шагов мы вышли на берег. «Трогай, но только осторожно». И орудия благополучно переходят через речку. Снять сапоги, чтобы вылить воду, – нельзя, потому что их потом не наденешь, ну, значит, надо идти так. Идем дальше, ноги постепенно теряют чувствительность, но раз они идут, значит, они есть.

Наконец впереди что-то показывается – это армянское селение Самбек. Мы с Семеновым входим в один дом, там большая русская печь уже топится, одной стороной она выходит на кухню, другой в комнату, там нам стелят полость, дают чем-то покрыться, и мы начинаем раздеваться, чтобы дать нашу одежду хозяевам просушить. Входит доброволец в коротком полушубке, правый рукав которого разорван около плеча, и тяжело опускается на стул. «Быть может, сможете меня перевязать?» К нему подходят двое: «Давайте снимем полушубок». –

«Да нет, разрежьте рукав». – «Другого можете не получить...» – «Все равно режьте». Разрезают рукав, и я вижу кровавый комок, где смешались обрывки гимнастерки, рубашки и шерсти полушубка.

«Когда вы ранены?» – «Вчера, при наступлении на хуторок, осколком гранаты». – «И всю ночь шли?» – «Шел...»

Этому бедняге пришлось значительно хуже, чем нам, так что нам жаловаться нечего.

Чем-то укрываюсь и засыпаю моментально. Последнее, что слышу: «Четыре часа отдыха – и двигаемся дальше». Кажется, только что заснул, а уже будят, через полчаса выступать. Мы одеваемся в нашу высушенную одежду, но я с удивлением смотрю на полы моей длинной кавалерийской шинели из верблюжьего сукна – они все в дырах. Кто-то мне объясняет: в речке шинель ваша намочка, потом обледенела, при ходьбе лед ломался вместе с сукном. Хозяйева приносят нам в глиняных мисках горячего борща, начинаю глотать его и с каждым глотком чувствую, как вливается какой-то жизненный эликсир, силы восстанавливаются, и я готов хоть снова начать вчерашний ночной переход. Выходим из Самбека, идти днем и по хорошей дороге – это удовольствие по сравнению со вчерашним.

«А чем же объяснить, – спрашиваю я, – что нас, кажется, красные и не преследовали?»

Лица моих спутников нахмуриваются. «Наша гвардейская рота добровольно предложила прикрыть наше отступление, и вот видите, ни одного из них здесь нет...»

Начинаем вспоминать знакомых из этой роты и приходим к общему выводу, что ни один из них не отступит и ни один не сдастся живым в руки большевикам и, значит, Гвардейская рота перестала существовать. По возвращении из Ледяного похода были опрошены жители Матвеева Кургана, показавшие, что гвардейцы дрались до последнего и никого из них в живых не осталось.

Подходим к станции Морская, и уже на окраине ее меня встречает мой командир взвода есаул Каменев, он сильно взволнован. «О вас я уже все знаю – можете не докладывать. Вот вам пакет, который я приготовил, его нужно как можно скорее доставить в штаб Войска Донского». Наскоро прощаюсь со «своим взводом» и иду на станцию. Совсем не сразу в каком-то составе удается добраться до Ростова. Обращаюсь к коменданту станции (его буквально разрывают на куски) с вопросом, как можно добраться до Новочеркасска. «Железнодорожная связь прервана уже два дня. В станице Аксайской и дальше местные большевики, и одному вам там не пробраться, единственная возможность по левой стороне Дона, через Батайск, Ольгинскую, Старочеркасск». В Батайск попадаю только поздней ночью. Очень скоро выясняю, что найти здесь подводу совершенно невозможно – Батайск забит обозами и беженцами из Ростова. А пакет должен быть доставлен обязательно, и я решаю идти пешком. Расспросив про дорогу, иду. Влажный, еще неукатанный снег, напоминающий кашу, ноги в нем разъезжаются, в темноте спотыкаюсь, падаю, но все же иду. Сколько тут верст – не знаю, но добираюсь до Ольгинской, когда уже светло. С трудом разыскиваю атамана станицы, он тоже, наверно, не спал и доведен до точки. «Все подводы реквизированы Добровольческой армией, и я ничего не могу сделать...» На мои энергичные протесты он лишь разводит руками: «Ну хоть убейте!» Решаю искать сам и забегая во дворы, где всюду встречаю добровольцев. Случайно попадаю на околицу станицы в сторону Аксайской и ясно вспоминаю увиденную картину: ясный солнечный день, со стороны Аксайской подходит вольно какая-то воинская часть, ведет ее офицер с черной бородкой. Вдруг часть подтягивается и доносится команда: «Равнение направо!» Оказавшиеся рядом два добровольца говорят: «Смотри, сам Корнилов встречается...» Действительно, у забора крайнего дома стоит группа людей, человек пять-шесть, и мне кажется, что среди них я узнаю Корнилова.

Почти силой захватываю подводу и добираюсь до Старо-черкасска. Там удается тоже получить подводу, но из-за очень плохой дороги только в 11 часов ночи я смог явиться в штаб. Встречает меня дежурный адъютант штаба войсковой старшина Жилин, которому я и вручаю

пакет. «Корнилов оставляет Ростов – это мы уже знаем. Вы контужены? Ну а как вы сюда добрались?» Я рассказываю. «Ну вот что, мы еще по крайней мере дней пять будем в Новочеркасске, поэтому идите отдыхать, а через три дня явитесь в штаб, где и получите назначение».

Около 12 ночи добираюсь домой и долго звоню, пока, наконец, слышу шаги отца: «Кто там?» – «Это я, папа, открой...» С какой-то задержкой дверь приоткрывается на цепочку, и отец старается меня разглядеть. «Открой, папа, я очень устал...» Дверь открывается, и отец как-то странно схватывает меня за руку выше локтя. Прохожу в столовую, прошу что-нибудь поесть. Последний раз я спал и ел еще в Самбеке. С жадностью ем, глотая кусками.

«Три дня тому назад мне в штабе сообщили, что ваш отряд был окружен и все перебиты до последнего человека, – говорит отец. – Два дня тому назад мне это категорически подтвердили, и завтра я хотел заказать о тебе панихиду...» Слова плохо доходят до моего сознания, кажется, что я их не понимаю. С трудом добираюсь до своей комнаты и, скинув с себя все, забираюсь в кровать под одеяло.

Просыпаюсь часов в двенадцать дня и опять начинаю «питаться», мирно беседуя с отцом. «Ты помнишь, что ты ответил, когда я сказал, что хотел по тебе отслужить панихиду?» – спрашивает он. «Не помню, кажется, ничего не ответил». – «Нет, ты с самым серьезным видом махнул рукой и сказал – сейчас не надо!..» Привожу себя в порядок, рано ужинаю и снова ложусь спать. Просыпаюсь около 8, натягиваю штатские брюки, надеваю туфли без задков и в рубашке, благо в комнате было тепло, сажусь с отцом пить чай. Значит, у меня сегодня целый день, завтра тоже, и только послезавтра нужно явиться в штаб. Мы мирно беседуем, но вдруг раздается продолжительный звонок, переходящий потом прямо в какой-то трезвон. Говорю: «Подожди, папа, я покажу этому нахалу, как звонят!» Открываю дверь с намерением на кого-то обрушиться. Перед дверьми мой приятель студент.

«Да ты что, хочешь в лапы красных попасть? Наши все уже оставили Новочеркасск, и я, совершенно случайно узнав, что ты дома, забежал за тобой, рискуя что мы оба не сможем выбраться... Казаки Голубова уже заняли станцию...»

В одну минуту на мне все походное, хватаю отцовскую охотничью тужурку вместо моей кавалерийской шинели с продранными полами, прощаюсь с отцом. Бежим по Барочной улице, чтобы выйти к дороге на Старочеркасск. Из подворотен выглядывают подозрительные типы. Вот тебе и пять дней, которые мы обязательно пробудем в Новочеркасске, как сказали мне в штабе... Спускаемся к реке и видим на противоположной стороне какой-то конный отряд. Перебежав реку по льду, подхожу к нему и прихожу в изумление: здесь студент, с которым я сидел на одной парте, будучи еще в реальном училище, здесь наш преподаватель В.А. Греков, знакомый сотник.

«Ты откуда?» – спрашивают меня. «Откуда я – это после, а что, собственно говоря, вы из себя представляете?»

Вижу странные погоны, трехцветный русский флаг, на нем буквы «О.Н.».

«Мы – Партизанский отряд есаула Назарова».

«А где есаул?» – «Да вон стоит». Подбегаю: «Господин есаул, разрешите вступить в ваш отряд?»

«Да вы, собственно говоря, кто такой?» Я совершенно забыл, что я в отцовской тужурке. Являюсь как полагается.

«Ага, артиллерист. В пулеметную команду, явитесь сотнику Житкову. Коня вам дать сейчас не могу, получите в Старо-черкасске, а до него как-нибудь доберетесь. Но помните, что мы последние...»

Добираюсь до Старочеркаска, временами держась за стремя коня, – так начался для меня Степной поход!

Есть кто-либо в живых из бойцов, участвовавших в боях на Матвеевом Кургане? Отзовитесь.

А.Д.В.⁷ Мои воспоминания⁸

1917 год. Турецкий фронт... Мой полк был правофланговым всей Российской Армии, а моя рота была началом фронта у Черного моря.

В декабре месяце я был срочно вызван в штаб полка, где мне было сказано:

– Завтра в семь часов отходит транспорт в Новороссийск, и вы должны уехать в «семи-недельный отпуск», иначе могут быть для вас результаты плачевные.

Мой отъезд прошел благополучно. Транспорт был забит отпускными ордерами и солдатами 123-й пехотной дивизии. Утром я высадился в Новороссийске и устроился в товарном вагоне – поезд следовал через Екатеринодар, Ростов. В вагоне я встретил подпрапорщика и двух унтер-офицеров дивизионной учебной команды, коей командовал мой брат, так что я почувствовал себя спокойным. Поезд прошел от Новороссийска до Ростова без препятствий, разве что был остановлен в чистом поле в нескольких верстах от Ростова двумя сотнями донцов для проверки и реквизиции оружия, после чего мы прибыли на станцию Ростов.

Был вечер, мои унтер-офицеры вынесли мой багаж, нагрузили на извозчика, и мы дружелюбно расцеловались, пожелав «счастья» в жизни... В Ростове обосновались мои родители, к ним-то я и держал путь... Я уже знал о ситуации в городе и в Донской области, и на следующий день я посетил моего однополчанина Алекс. Ликушина, коренного ростовца, и мы решили записаться в отряд полковника Симановского, который сформировался в Госпитальном городке на окраине Ростова. Нас встретил сам полковник Симановский и его помощник, Георгиевский кавалер штабс-капитан князь Чичуа⁹, они обрадовались нашему приходу. Полковник Симановский смеясь сказал: «Вот еще двое...» – и познакомил нас с фельдфебелем роты штабс-капитаном Садовень¹⁰, который, указывая на койки, прибавил: «Размещайтесь, господа». Так началась моя служба... Родине!

Первое, что бросалось в глаза в Ростове, – это масса офицерства, повсюду в городе, в театрах, синема, на балах и особенно на тротуарах... Веселился наш брат офицер... и никто не собирался внять призыву генералов Алексеева и Корнилова. Через два дня пребывания в казарме нас троих офицеров с винтовками послали в здание градоначальства на Таганрогском проспекте в караул. Происходила регистрация находящихся в Ростове и окрестностях господ офицеров. Пришла такая масса, что пришлось разделить регистрацию по буквам, и вот тут-то я увидел отношение офицеров к нам, добровольцам. Мы наводили порядок, наши золотые погоны и винтовки на ремне вызывали смех и улыбки. Всем выдавали анкеты: чин, полк и фамилия, и главный вопрос: «Поступаете ли в Добровольческую армию?» Если нет, то предлагалось покинуть пределы Донской области. Результаты были плачевны, так как никто в армию не вступал, и впоследствии выяснилось, что около 17 тысяч офицеров прошли этот контроль! Вот тут и сказались солидарность и патриотические чувства российского офицерства... Спрашивается, какой был бы результат, если бы хотя половина зарегистрированных последовала за Корниловым в поход?

---

⁷ Автор этих воспоминаний – участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Жил в эмиграции во Франции. Умер после 1963 г.

⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. № 17. Февраль 1963.

⁹ Штабс-капитан князь **Георгий Чичуа** вышел в 1-й Кубанский поход командиром 2-й роты Корниловского полка. Убит 1 марта 1918 г. у ст. Березанской.

¹⁰ **Садовень Алексей Владимирович**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в отряде полковника Симановского, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан.

Ведь нас было приблизительно 6 рот боевого состава, остальное обоз! Генерал Марков, обращаясь к офицерам, говорил: «Господа, вы меня знаете, я был начальником штаба фронта, водил массы войск в бой, а ныне я горжусь и счастлив командовать кучкой честных и храбрых офицеров».

Да, ни в Ростове, ни в Екатеринодаре русский офицер не выполнил своего долга перед Родиной!.. Несмотря на унижения, на оскорбления, на дикую расправу со своим братом офицером, офицерство было инертно. Что за причина? Почему? Ведь генерал Дроздовский с трудом собрал четыре тысячи офицеров из всего Румынского фронта, несмотря на более выгодную обстановку для формирования. Генерал Туркул часто говорил о начале нашей борьбы, что, по спискам Генерального штаба на 1917 год, было около 460 тысяч офицеров, и если бы из этой цифры 5 или 10 процентов пришло на призыв своего главнокомандующего генерала Алексеева, то наверное результат был бы в нашу пользу. Значит, такова судьба России!

Итак, отряд полковника Симановского дальше одной роты в 53 человека (вернее – одного взвода военного времени) не увеличился и начал свою боевую службу. Нас направили охранять Ростовский вокзал, мы патрулировали вокруг и внутри вокзала, который кишел публикой. Было произведено несколько арестов подозрительных лиц. На следующий день вечером часов в 7 рота с песнями возвращалась в казармы; нам было приказано не реагировать на выпады гуляющей публики на Садовой улице (главная улица Ростова).

В тот момент, когда мы проходили около сада «Клуба Приказчиков» полковник Симановский, обернувшись, сказал: «Налево стоит генерал Корнилов», и мы без всякой команды дали ногу и повернули головы. Генерал Корнилов снял папаху и нас благословил... Пройдя молча шагов десять, мы, не сговариваясь, запели: «Так за Корнилова, за Родину, за Веру – мы грянем русское ура!!!»

Поздно вечером приказано приготовиться к выступлению, и утром, погрузившись в вагон, прибыли на станцию Хопры. Часов в 11 дня мы увидели движущуюся на горизонте кавалерию, она шла шагом поэскадронно, держа строго интервалы. Полковник Симановский построил роту – и скомандовал: «По кавалерии прицел... рота пли!» Выстрелили мы как один, но на кавалерию это не произвело никакого впечатления, и второй залп дал те же результаты, но все же эскадроны пошли чуть живее, быстрее... наверное, думая – а вдруг попадут! Полковник Симановский, видно, расстроился, так как вышел перед строем и сказал: «Разойдись по вагонам». Все почему-то пришли в радостное настроение от нашей стрельбы... Разговоров и смеху – хоть отбавляй... Да, мы все были молоды и веселы! После того как мы простояли на станции целый день и не видели больше на горизонте кавалерии, нас послали в село Большой Чалтырь – большое армянское село. Поместили нас почему-то в одном доме в отдельную комнату, а всего нас было 60 человек, так как пришли к нам несколько офицеров-артиллеристов. Как мы там улеглись, одному Богу известно. Наверное, ни один знаменитый геометр не смог бы отмерить площадь на одного человека, но... так было, ибо мы были молоды... На дворе был солидный мороз и шел снег, а в нашей комнате был пар от дыхания и, главное, веселое настроение. Смех был непрерывный от «соленых» анекдотов, и, как помню, в этот день отличился один артиллерист-офицер.

В эти два дня нашего пребывания вне Ростова полковник Симановский проявлял какую-то необъяснимую нервозность – он писал в штаб и посылал своего адъютанта с просьбой нас сменить и т. д. Из штаба он получал ответ, что сменить нас нечем и мы должны стоять на месте. Он все же не исполнил приказания, и вечером около 6 часов мы выступили из Чалтыря на станцию Хопры – расстояние около 5 верст. Был сильный мороз, и поднялась метель с ветром, ничего не было видно, и примерно через минут двадцать мы сбились с пути. Тут-то и начался «поход». Все стали кричать, полковник Симановский ползал по земле, ища телефонный провод, соединявший деревню со станцией. Бывший в нашей роте полковник Мухин сел на землю и кричал: «Господа офицеры, я замерзаю, спасите!» Полковник Мухин, будучи в 1-м походе

командиром 2-го батальона Корниловского ударного полка, пал смертью храбрых в боях под Филипповскими хуторами. На наше счастье, на нас натолкнулся отряд в десять коней полковника Гершельмана, который еще раз подтвердил приказание штаба стоять на месте в Чалтыре и ждать приказа, и мы с похода вернулись в свою теплую халупу. Результатом «поступка» полковника Симановского было то, что мы отморозили себе особенно уши и носы; я отморозил уши, несмотря на теплую папаху.

Конечно, было смешно видеть раздувшиеся носы и уши. Пострадал особенно поручик Лихушин, у него уши приняли такие невиданные размеры, что нельзя было предполагать, что природа может подобное «изобразить». Такую форму ушей можно было видеть разве лишь в паноптикуме!..

Утром 9 февраля мы вернулись в Ростов и вечером ушли в поход!

Наша рота была в арьергарде армии до станицы Аксайской. Перейдя через реку Дон в станицу Ольгинскую, где была произведена реорганизация армии, рота влилась в Корниловский ударный полк и стала 2-й ротой. Судьба же полковника Симановского была решена: он не получил никакой должности и оставался в обозе. После окончания похода полковник Симановский уехал в свой родной город Полтаву, где был убит на улице во время какого-то выступления солдат местного гарнизона. Так погиб этот храбрый офицер. Полковник Симановский участвовал в Русско-японской войне солдатом, а во время 1-й войны 1914 года был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Р. Гуль **Ледяной поход**

Яркие, морозные дни. Деревья улиц – белы от инея. На голубом небе блещут золотом купола Новочеркасского собора.

В городе – оживление; плавно несутся военные автомобили, шурша по снегу; крупной рысью пролетают верховые казаки; скользят извозчичьи сани, звеня бубенчиками; поблескивая штыками, проходят небольшие части офицеров и юнкеров.

На тротуаре трудно разойтись; мелькают красные лампасы, генеральские погоны, разноцветные кавалеристы, белые платки сестер милосердия, громадные папахи текинцев.

По улицам расклеены воззвания, зовущие в «Добровольческую армию», в «партизанский отряд есаула Чернецова», «войск. старш. Семилетова», в «отряд Белого дьявола – сотника Грекова».

Казачья столица напоминает военный лагерь. Преобладает молодежь – военные.

Все эти люди – пришлые с севера. Среди потока интеллигентных лиц, хороших костюмов иногда попадаются солдаты в шинелях нараспашку, без пояса, с озлобленными лицами. Они идут не сторонясь, бросая злобные взгляды на офицерские погоны. Если б это было в Велико-россии – они сорвали бы их, но здесь иное настроение, иная сила...

В воскресное утро идем в собор, к обедне. Великолепный храм полон молящимися; в середине, ближе к алтарю, – группа военных, между ними генерал Алексеев, худой, среднего роста, с простым, типично военным лицом.

На паперти встречаю кадета-выборжца Н.Ф. Езерского. С первых же слов Н.Ф. горячо говорит о генерале Корнилове и Добровольческой армии, верит, что Корнилов объединит вокруг себя людей разных направлений и создаст здоровую национальную силу. Он говорит о тяжелой борьбе окраин с центром и верит, что первым удастся победить и снова сплотить возрожденную Россию...

* * *

Через два дня мой командир полковник С.¹¹ приехал, и мы идем записываться в бюро Добровольческой армии.

Подшли к дому. У дверей – офицер с винтовкой. Доложил караульному начальнику, и нас провели наверх.

В маленькой комнате прапорщик-мужчина и прапорщик-женщина записывали и отбирали документы; подпоручик опрашивал.

«Кто вас может рекомендовать?»

«Подполковник Колчинский»¹², – называю я близкого родственника генерала Корнилова.

Подпоручик делает мину, пожимает плечами и цедит сквозь зубы: «Видите, он, собственно, у нас в организации не состоит...»

Я удивлен. Ничего не понимаю. Только после объясняет мне подполковник Колчинский: офицеры бюро записи – ставленники Алексева, а он – корниловец; между этими течениями идет скрытый раздор и тайная борьба.

Мы записались. Знакомимся с заведующим бюро и общежитием гвардии полковником Хованским. Низкого роста, вылощенный, самодовольно-брезгливого вида полковник Хованский говорит, «аристократически» растягивая слова и любясь собой: «Поступая в нашу (здесь он делает ударение) армию, вы должны прежде всего помнить, что это не какая-нибудь рабоче-крестьянская армия, а офицерская». После знакомства разместились в общежитии. Меня поражает крайняя малочисленность добровольцев. Новочеркасск полон военными разных форм и родов оружия, а здесь, в строю армии, – горсточка молодых, самых армейских офицеров.

* * *

С каждым днем в Новочеркасске настроение становится тревожнее. Среди казаков усиливается разложение. Ожидается выступление большевиков. Каледин по-прежнему нерешителен. Войсковой Круг теряется...

Штаб Добровольческой армии решает перенестись в Ростов. Верхом, со своими адъютантами, переехал туда Корнилов.

В этот же день переехал полковник С. и мы, первые офицеры его отряда. В Ростове штаб армии – во дворце Парамонова. Около красивого здания – офицерский караул. У дверей часовые.

Стильный, с колоннами зал полон офицерами в блестящих формах. Среди них плотная, медленная фигура Деникина. В штатском, хорошо сшитом костюме он больше похож на лидера буржуазной партии, чем на боевого генерала. Из угла в угол быстро бегают нервный, худой Марков. Появляется начальник штаба – молодой, надменный генерал Романовский, хитрый Лукомский с лицом городничего, старик Эльснер; из штатских – член I Думы Аладьин, в форме английского офицера, сотрудник «Русского слова» – маленький, горбатый Лембич, живой худенький брюнет, матрос Баткин, Борис и Алексей Суворины...

---

¹¹ Речь идет о полковнике В.Л. Симановском.

¹² **Колчинский Александр Александрович**, р. в 1881 г. в Туркестане. Сын подполковника, двоюродный брат генерала Л.Г. Корнилова. Окончил 2-й кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академию Генштаба. Подполковник оперативного отдела Ставки. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, штаб-офицер для поручений при штабе армии. В октябре 1918 г. заведующий передвижением войск, с 11 января 1919 г. начальник военно-дорожного отдела Управления военных сообщений. Полковник. Эвакуирован до осени 1920 г. из Феодосии. В эмиграции служил в Конго. Умер 17 февраля 1965 г. в Брюсселе.

Но и с перенесением штаба в Ростов общая тревога за прочность положения не уменьшается. Каждый день несет тяжелые вести. Казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевизму и неприязненно относятся к добровольцам. Часть из еще нерасформированных войск перешла к большевикам, другие разошлись по станицам. Притока людей из России в армию – нет. Командующий объявил мобилизацию офицеров Ростова, но в армию поступают немногие – большинство же умело уклоняется.

* * *

В это время в сто человек сформировался отряд полковника С., и через несколько дней мы несем первую службу – занимаем караул на станции Ростов.

Настроение в городе тревожное. Вокзал набит народом. То там, то сям собираются кучки, говорят и озлобленно смотрят на караульных.

Офицеры караула арестовали подозрительных: громадного роста человека с сумрачным лицом «партийного работника», пьяного маленького лакея из ресторана, человека с аксельбантами и полковничьими погонами, офицера-армянина и др.

Пьяный лакей, собрав на вокзале народ, кричал: «Афицара, юнкаря – это самые буржуи, с кем они воюют? с нашим же братом – бедным человеком! Но придет время – с ними тоже расправятся, их тоже вешать будут!»

Ночь он проспал в караульном помещении. «Отпустите его, только сделайте внушение, какое следует», – говорит утром полковник С. поручику З.

Мимо меня идут З. и лакей. З. делает мне знак: войти в комнату. Вхожу. Они за мной. З. запирает дверь, вплотную подошел к лакею и неестественным, хриплым голосом спрашивает: «Ну, что же, офицеров вешать надо? да?» – «Что вы, ваше благородье, – подобострастно засюсюкал лакей, – известно дело – спьяна сболтнул». – «Сболтнул!.. твою мать!» – кричит З., размахивается и сильно кулаком ударяет лакея в лицо раз, еще и еще... Лакей шатнулся, закрыл лицо руками, протяжно завыл. З. распахнул дверь и вышвырнул его вон.

«Что вы делаете? И за что вы его?» – рванулся я к З.

«А, за что? За то, что у меня до сих пор рубцы на спине не зажили... Вот за что», – прохрипел З. и вышел из комнаты.

Я узнал, что на фронте солдаты избили З. до полусмерти шашками.

Человека с полковничьими погонами и странно привешенными аксельбантами допрашивает полковник С. «Кто вы такой?» – «Я – полковник Заклинский», – нетвердо отвечает опрашиваемый и стоит по-солдатски вытянувшись. «Где вы служили?» – «В штабе Северного фронта». – «Вы Генерального штаба?» – «Да». – «А почему у вас погон золотой и с синим просветом?» – «Я кончил пулеметную школу», – выпаливает он. «Так, – тянет полковник, – а почему вы носите аксельбанты так, как их никогда никто не носил?» Заклинский молчит. «Ракло ты! а не полковник! Обыскать его!» – звонко кричит полковник С.

Заклинский вздрагивает, бледнеет и сам начинает вытаскивать из карманов бумаги. Его обыскивают: бумаги на полковника, поручика и унтер-офицера. «К коменданту», – отрезает полковник С.

На вокзале офицер-армянин просил часового продать ему патроны. Часовому показалось это подозрительным, он арестовал его. При допросе офицер теряется, путается, говорит, что он «просто хотел иметь патроны».

Полковник С. приказывает его отпустить. Офицер спускается с лестницы. Кругом стоят офицеры караула. Вдруг поручик З. сильно ударяет его в спину. Офицер спотыкается, упал, с него слетели шпоры и покатались, звеня, по лестнице...

Многие возмутились, напали. «Что это за безобразие! Одного вы бьете, другого с лестницы спускаете!», «Что у нас, застенки, что ли!», «Да он и не виноват ни в чем», «Это черт знает что такое!». З. молчит.

Сменяться. Все налицо, кроме подпоручика Крупенина. Вчера вечером, после караула он пошел на Темерник, сейчас уже вечер, а его нет.

Сменились, выстроились. Колонной по отделениям, четко отбивая шаг по звонкой мостовой, идем по залитому огнями вечернему городу. Тенора бравурно, отрывисто запевают:

Там, где волны Аракса шумят,
Там посты дружно в ряд
По дорожке стоят.

И гулко подхватывают все:

Сторонись ты, дорожкой той
Пеший, конный не пройдет живой!

На тротуарах останавливаются прохожие, извозчики сворачивают с дороги...

Утром, недалеко от вокзала, на путях нашли труп подпоручика Крупенина; он лежал ничком с раздробленным черепом...

* * *

Полковник С. задумал взять Сулин обратно. Но так как силы были неравны, то план, рассчитанный всецело на недисциплинированность и паничность противника, строился немного фантастично.

Ночью храбрейший офицер, Георгиевский кавалер, штабс-капитан князь Чичуа должен с десятью офицерами пробраться в тыл большевистских поездов, взорвать пути, обстрелять, короче – «произвести панику в тылу противника», а отряд по этому сигналу ударит в лоб и с флангов на станцию.

Была холодная ночь. Дул сильный, колючий ветер... Часть отряда пошла прямо по железной дороге, а другая с полковником С. поехала на поезде, влево, по частной ветке.

Подъехали к будке, слезли. Вдали сквозь метель заревом светит Сулин. Князь Чичуа с десятью офицерами быстро ушел вперед. Артиллеристы устанавливают два орудия наобум, по направлению вокзала. Вся пехота пошла, скрылась в черно-белой степи...

Ночь черна, ни звезды. Ветер поднял в степи метель, носит белыми столбами снег, не пускает вперед и протяжно воет на штыках. Дорогу замело. Впереди проводник сбивается, разыскивает и ведет. Дошли до большого белого оврага, перелезли и остановились. По ветру доносился лай собак – это в Сулине. Теперь недалеко. Здесь будем ждать сигнала...

Метель не перестает. Ветер еще злее. Мерзнут руки, лицо, ноги. Каждый напряженно прислушивается: не будет ли сигнала – взрыва. Прошел час, прошел другой, а сигнала нет. Хоть бы скорее, думает каждый, пошли бы вперед, быстро согрелись бы. Ветер с воем налетает, засыпает снегом. Люди жмутся один к другому, ложатся на снег. Свертывается один, второй, третий...

На белом снегу – темно-серое пятно – это все, плотно прижавшись друг к другу, лежат в куче, и каждый старается залезть поглубже, согреться, спрятаться от ветра. Один полковник ходит около серого пятна, постукивает ногами и руками и, волнуясь, ждет сигнала...

Выстрел!.. один, другой...

Темная куча зашевелилась, люди выскакивают, и сразу как будто не холодно... Вот опять та-та-та, пачками. И тихо...

«Видно, заметили наших», – шепотом говорит кто-то.

«Перебили, может», – еще тише говорит другой.

Та! – отдельный выстрел, и все замерло.

Опять один за другим ложатся, прячась от холода, и опять полковник ходит около темного пятна, но теперь он больше волнуется. «Знаете, – тихо говорит он мне, – боюсь, не попались ли. Подстрелят кого-нибудь – не уйдет ведь по такому снегу».

Скоро рассвет. Надо идти, а князя нет. Люди подымаются. Идем в вагоны, торопимся: рассветет – заметят.

В степи показались какие-то фигуры. «Смотрите, люди, вон люди, – зашептали один, другой, – вон, вон, с винтовками». Каждый хватается за винтовку, снимает с плеча, по телу пробегает холодная дрожь.

«Может, наши – князь», – говорит кто-то.

Несколько человек идут вперед: «Кто идет?!» – «Свои, свои, князь», – отвечают фигуры. Все довольны, винтовки на ремень, спешат к нашим. «Ну как? Это по вас стреляли?»

Князь докладывает полковнику: «Невозможно, господин полковник: только стали к Сулину подходить, по нас караулы сразу огонь открыли; залегли, переползли, хотели другой дорогой – то же самое». – «Вот как, – охраняются хорошо, сволочи, а я думал, что они дрыхнут всю ночь. Ну, идемте, идемте, слава Богу, что никого не ранили...»

Вкатываем орудия на платформу, едем «домой», на Горную.

Только что приехали – генерал Абрамов показывает приказ: немедленно отъезжать, противник пытается отрезать нас у Персиановки. Поезд, не останавливаясь, мчит к Новочеркаску. Успеем ли проскочить? Проехали Персиановку. Новочеркасск. В вагон вбегает офицер: «Господа, Каледин застрелился!» Быть не может?! Конец казакам, теперь на Дону – все кончено. Куда же мы пойдем?

Вечером приехали к Ростову. С вокзала отряд идет в казармы с песней, но песня не клеится, обрывается, замолкает...

Я с полковником С. поехал в штаб армии. Там суета. Полковника вызвал Корнилов. «Сейчас же поедете на Таганрогский фронт. Знаю, что вы устали, измучены, с фронта, – но больше некого послать, а там неладно».

* * *

На другой день от офицеров отряда я и штабс-капитан князь Чичуа выехали в Ростов к генералу Корнилову просить его не разлучать нас с нашим начальником полковником С.

Было около 9 часов утра, когда пришли в переднюю штаба и вызвали адъютанта Корнилова, подпоручика Долинского¹³. Он провел нас в приемную, соседнюю с кабинетом генерала.

В приемной, как статуя, стоял текинец. Мы были не первые. Прошло несколько минут, дверь кабинета отворилась: вышел какой-то военный, за ним Корнилов, любезно провожая его.

Л.Г. был одет в штатский потертый костюм, черный в полоску, брюки заправлены в простые солдатские сапоги, костюм сидел мешковато.

Он поздоровался со всеми. «Вы ко мне, господа?» – спросил нас. «Так точно, Ваше Высочество». – «Хорошо, подождите немного», – и ушел.

---

¹³ Долинский Виктор Иванович. Поручик, адъютант генерала Л.Г. Корнилова до августа 1917 г. и в 1-м Кубанском походе. Затем в Сибири, адъютант атамана Семенова. В эмиграции в США. Умер 27 декабря 1967 г. во Флориде (по другим сведениям, в Медии, Пенсильвания).

Дверь кабинета снова отворилась: Корнилов прощался с штатским господином. «Пожалуйста, господа». Мы вошли в кабинет – маленькую комнату с письменным столом и двумя креслами около него. «Ну, в чем ваше дело? Рассказывайте», – сказал генерал и посмотрел на нас. Лицо у него – бледное, усталое. Волосы короткие, с сильной проседью. Оживлялось лицо маленькими, черными как угли глазами.

«Позвольте, Ваше Высокопревосходительство, быть с вами абсолютно искренним». – «Только так, только так и признаю», – быстро перебивает Корнилов.

Мы излагаем нашу просьбу. Корнилов, слушая, чертит карандашом по бумаге, изредка взглядывая на нас черными пронизательными глазами. Рука у него маленькая, бледная, сморщенная, на мизинце – массивное, дорогое кольцо с вензелем.

Мы кончили. «Полковника С. я знаю, знаю с очень хорошей стороны. То, что у вас такие отношения с ним, – меня радует, потому что только при искренних отношениях и можно работать по-настоящему. Так должно быть всегда у начальников и подчиненных. Просьбу вашу я исполню». Маленькая пауза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.